

ЮКИО
МИСИМА

Солнце и сталь

АЗБУКА-КЛАССИКА

Юкио Мисима

Солнце и сталь

Серия «Азбука-классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6495180

Солнце и сталь : драмы, новелла, эссе / Юкио Мисима ; пер. с яп. Г. Чхартишвили. : Азбука, Азбука-Аттикус; Москва, Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-389-14175-9

Аннотация

Юкио Мисима – самый знаменитый и читаемый в мире японский писатель. Прославился он в равной степени как своими произведениями во всех мыслимых жанрах (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и экстравагантным стилем жизни и смерти (харакири после неудачной попытки монархического переворота). В настоящее издание вошли две пьесы «Маркиза де Сад» и «Мой друг Гитлер», эссе «Солнце и сталь» и знаменитая новелла «Патриотизм», которая, по словам Мисимы, является «рассказом о подлинном счастье».

Содержание

Драмы	6
Маркиза де Сад	6
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Юкио Мисима

Солнце и сталь

三島由紀夫

Yukio Mishima

SADO KOSHAKU FUJIN

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1965

WA GA TOMO HITTORA

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1968

TAIYO TO TETSU

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1968

YUKOKU

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1961

All rights reserved

Перевод с японского Григория Чхартишвили
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

© Г. Чхартишвили, перевод, 1993

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

Драмы

Маркиза де Сад Пьеса в трех действиях

Действующие лица

Маркиза Рене де Сад.

Госпожа де Монтрёй, ее мать.

Анна де Лонэ, ее сестра.

Баронесса де Симиан.

Графиня де Сан-Фон.

Шарлотта, горничная г-жи де Монтрёй.

Время действия

Действие первое – осень 1772 г.

Действие второе – позднее лето 1778 г.

Действие третье – весна 1790 г.

Место действия

Париж. Салон госпожи де Монтрёй.

Действие первое

Графиня де Сан-Фон (*в платье для верховой езды, с хлыстиком в руке, раздраженно ходит по сцене*). Пригласила, называется! «Будьте так любезны, дорогая графиня, загляните ко мне, когда будете возвращаться с прогулки». Уж так упрашивала! Никогда у нее не бывала, но тут решила – ладно, заеду. И что же? Она еще заставляет меня ждать!

Баронесса де Симиан. О, не судите госпожу де Монтрёй слишком строго. Она совершенно раздавлена тем, что случилось с ее зятем.

Графиня. Вы имеете в виду ту историю трехмесячной давности?

Баронесса. Время не облегчило ее страданий. Да и потом, мы же еще ни разу не виделись с госпожой де Монтрёй с тех пор, как случилось... ну, это самое.

Графиня. «*Это самое*»! Вечно мы стыдливо опускаем глазки, говорим «это самое» и со значением улыбаемся. А всего дел-то. (*Красноречиво щелкает хлыстом.*)

Баронесса (*смущенно прикрывает лицо рукой*). Сударыня, как вы можете! (*Крестится.*)

Графиня. Ну да, тут, конечно, полагается перекреститься. И все довольны. А каждый в глубине души смакует «это самое». Что, не так? Или вы, госпожа де Симиан, может быть, пребываете в неведении?

Баронесса. Я ничего-ничего не знаю.

Графиня. Так я вам и поверила.

Баронесса. Я помню Альфонса еще маленьким мальчиком. Каким очаровательным златокудрым ребенком он был! А гадостей я не желаю ни видеть, ни слышать – закрываю глаза и затыкаю уши.

Графиня. Ну, как угодно. Зато уж я постаралась за эти три месяца разузнать все как можно подробнее и точнее. Ушки затыкать будете?

Де Симиан вздрагивает.

Ну, что же вы? *(Щелкает хлыстом.)* Уши-то прикройте. *(Кончиком хлыста щекочет баронессе ухо. Та поспешно прикрывает уши ладонями.)* Вот так, отлично... Итак, три месяца назад, а точнее, двадцать седьмого июня наш дорогой Донасьен Альфонс Франсуа маркиз де Сад в сопровождении своего слуги Латура отправился в Марсель и утром одного чудесного дня на квартире у некой Мариетты Борелли, на четвертом этаже, собрал четырех девиц. Там были сама Мариетта, двадцати трех лет, Марианна, восемнадцати лет, Марианетта и Роза – обе двадцати лет... Натурально, все – шлюхи.

Де Симиан, по-прежнему прижимающая ладони к ушам, вздрагивает.

Ой, вы, оказывается, все слышите! Должно быть, глаза-ми?.. Маркиз де Сад в этот день был в пепельно-сером камзоле на голубой подкладке, в шелковом жилете апельсинового цвета и того же оттенка панталонах. На его, как вы изволили выразиться, златокудрой голове красовалась шляпа с перьями, на боку висела шпага, а в руке маркиз держал тросточку с круглым золотым набалдашником. Он вошел в комнату, где его уже ожидали вышепоименованные девицы, зачерпнул из кармана горсть луидоров и объявил, что право первенства будет принадлежать той из дам, кто угадает, сколько в его руке монет. Угадала Марианна. Маркиз велел ей и Латуру остаться, а прочих девиц выставил до поры до времени за дверь. Затем уложил Марианну и слугу на постель. В одну руку взял кнут и принялся хлестать девицу (*снова щелкает хлыстом*), а тем временем другой рукой стал... вот этак вот... возбуждать лакея. Представляете – одной рукой нахлестывает (*помахивает хлыстом*), другой – лакею...

Баронесса. Боже милостивый! (*Крестится и бормочет молитву.*)

Графиня. Самое время перекреститься. Заодно и слышно будет получше.

Де Симиан в смятении снова затыкает уши.

С другой стороны, не креститься – душу грехом отяго-

щать.

Баронесса испуганно крестится.

Пожалуй, лучше уж слушать — я полагаю, Господь не обидится.

Баронесса, смирившись, слушает.

Продолжим. Во время всей этой сцены Альфонс величает слугу господином маркизом, а себя велит звать лакеем. Затем он отсылает слугу, извлекает из кармана хрустальную раззолоченную бонбоньерку и предлагает девице отведать ароматных конфеток. Когда та съедает их изрядное количество, маркиз сообщает, что это средство для испускания дурных газов.

Баронесса. Ой.

Графиня. На самом же деле это были любовные пилюли. Знаете, берется сушеный песочный жук, смешивается с толченой шпанской мушкой...

Баронесса. О господи, да откуда же мне такое знать!

Графиня. А жаль, вам не помешало бы хоть изредка употреблять это зелье. Марианна, например, слопала штук семь или восемь. Тогда маркиз...

Баронесса. Неужели он еще что-то натворил?

Графиня. Тогда маркиз говорит: «Сделай для меня кое-

что, получишь луидор».

Баронесса. А что?

Графиня. А *это самое*, которое вы так обожаете... Смотрите-ка, видите вон ту статую Венеры посередине двора? Как сияют на солнце ее белоснежные мраморные бедра! Если я не ошибаюсь, перед тем как солнце уйдет за верхушки деревьев, его последний луч должен как раз падать статуе на... Угадайте на что?

Баронесса (*подумав*). А! Я знаю! Знаю! Прямо на сатанинское место!.. Грех какой. Да за такое на костре жгли...

Графиня. Ну, мы отвлеклись. Наш Альфонс вручил девице зловещего вида кнут, утыканный шипами и весь бурый от засохшей крови, — очевидно, кнутом пользовались неоднократно — и велел хлестать его.

Баронесса. Ага, видите, в нем все-таки проснулось раскаяние! Он возжаждал кары, пожелал изгнать из себя беса!

Графиня. О нет, просто собственное страдание — в силу своей несомненной достоверности — доставляет маркизу еще больше наслаждения, чем мучить других. У Альфонса необычайная страсть к достоверности... Затем настал черед Мариетты. Сей девице маркиз велел раздеться догола и встать на четвереньки подле кровати. Для избиения на этот раз он избрал обыкновенную метлу, а вдоволь натешившись, приказал Мариетте той же метлой поколотить и его самого. Пока она старалась, маркиз ножичком делал на стене засечки: двести пятнадцать ударов, потом еще сто семьдесят, по-

том двести сорок. Итого получилось...

Баронесса. Восемьсот пятьдесят.

Графиня. Альфонс всегда любил математику. Утверждал, что лишь в ней есть подлинная достоверность и что если достичь поистине больших чисел, то порок обращается в благодатью.

Баронесса. Как можно соединять порок и благодать?

Графиня. Благодать, по маркизу де Саду, можно обрести, лишь преумножая достоверное, и она, благодать, непременно должна ощущаться всеми органами чувств. Это не та благодать, коей тщетно дожидаются ленивцы и лежебоки. Вот в Марселе маркиз и приложил максимум стараний. Вернув в комнату лакея, он пустился с ним и Мариеттой в многотрудное плавание по океану наслаждений. Втроем они изобразили некое подобие трехпалубной галеры и дружно заработали веслами. А в небе еще пламенели кровавые краски рассвета – утро ведь только начиналось.

Баронесса. Наслаждение было таким многотрудным, очевидно, оттого, что по утрам человеку пристало трудиться в поте лица своего.

Графиня. Нет, милая, утренний час – время молитвы, поэтому труды маркиза скорее следовало бы уподобить богослужению.

Баронесса. Ох, гореть вам в геенне огненной.

Графиня. Спасибо на добром слове. Следом за Мариеттой настал черед Розы. Снова кнут, снова лакей, затем трой-

ственные вариации, напоминающие тасование карточной колоды. Потом Альфонс призвал последнюю девицу, Марианетту, и все повторилось: свист кнута, сладкие конфетки из сушеного жука и так далее. В общем, все утреннее богослужение прошло, сопровождаемое криками боли и стонами наслаждения. По завершении церемонии маркиз вручил каждой девице по шесть серебряных монет и распрощался с ними.

Баронесса. Ну наконец-то!

Графиня. О, не спешите. Отпустив девиц, маркиз прилег отдохнуть, желая восстановить форму перед послеполуденными забавами.

Баронесса. Как, были еще и послеполуденные?

Графиня. Де Сад спустил жалюзи на окнах, обращенных к морю, и уснул безмятежным, детским сном. Это было невинное забытие, не отягощенное никакими мрачными видениями. Он словно погрузился в мягкий прибрежный песок, где мирно соседствуют обломки кораблекрушения, осколки раковин, высохшие водоросли и выброшенные волнами дохлые рыбешки... Белая грудь маркиза ровно вздымалась во сне, и на ней лежали полосы золотого июньского солнца, просеянного сквозь жалюзи.

Баронесса. Так что же случилось во второй половине дня?

Графиня. Как вы нетерпеливы. На закате маркиз, сопровождаемый верным Латуром, отправился на поиски новой подруги, которой стала двадцатипятилетняя шлюшка по

имени Маргарита. Де Сад последовал за ней до ее жилища, лакею на сей раз позволил удалиться, а Маргариту принялся угощать конфетами из своей хрустальной бонбоньерки.

Баронесса. Той самой отравой, да?

Графиня. Любовные пилюли, сударыня, – это вовсе не отравы. Девушка съела штук пять или шесть, а маркиз все подкармливает. И спрашивает ласковым таким голосом: «Как животик, не болит?»

Баронесса. Он затеял игру в доктора?

Графиня. Последовало *это самое*. Ну разумеется, забавы с кнутом... На рассвете Альфонс уселся в карету, запряженную четверкой лошадей, и отбыл из Марсея в свой замок Лакост. А дня через два девицы, его подружки, взяли да и отправились к судье. И все как есть рассказали. Не подозревали бедняжки, что чистосердечное признание не сильно облегчит и их собственную участь.

Входит Шарлотта, горничная.

Шарлотта. Мадам просит извинить за то, что заставила вас ждать. Она сию минуту будет здесь.

Графиня. Передай ей, что это было остроумно – свести вместе меня и баронессу де Симиан.

Шарлотта. А?

Графиня. Вавилонская блудница и святая дева. Сочетание во вкусе ее зятя. Браво!

Шарлотта. Чего? (*В замешательстве, хочет уйти.*)

Графиня. Куда же ты, Шарлотта? Эта негодная прежде служила у меня, а потом сбежала, теперь живет у госпожи де Монтрёй. Ты ведь все про меня знаешь, все мои секреты, а? Обо мне и так уж повсюду болтают бог весть что, называют прислужницей Сатаны. Правда, я, в отличие от маркиза, не увлекаюсь кнутами и бонбоньерками, но на Острове Любви и в самом деле не осталось такой лужайки, где бы я не примяла травку. Госпожа де Монтрёй не ошиблась в выборе. Ведь я столь близко к сердцу принимаю все, что касается *этого самого*, – лишь такая, как я, способна без лишних слов понять душу маркиза. Именно на это рассчитывала твоя госпожа, верно? Раньше она и на порог бы меня не пустила, опасаясь замараться, а тут вдруг такое гостеприимство...

Баронесса. Не стоит думать о госпоже де Монтрёй так скверно. Она совсем отчаялась и готова молить о помощи кого угодно – хоть Бога, хоть дьявола. Так давайте поможем ей – я, как вы выразились, в качестве святой девы, а вы – в качестве вавилонской блудницы.

Входит госпожа де Монтрёй.

Г-жа де Монтрёй. Я заставила вас так долго ждать – ради бога, простите. Графиня де Сан-Фон, баронесса де Симиан, вы так добры, что откликнулись на мою просьбу. (*Жестом отсылает Шарлотту.*) Вы ведь, графиня, возвращаетесь с

конной прогулки?

Графиня. Сегодня моя лошадь словно взбесилась. Никогда с ней такого не было. Я уж ее и хлыстом, и шпорами – она ни в какую, так и пышет огнем. Мой берейтор сказал, что я была похожа на древнюю амазонку. А как, должно быть, вспыхивала на солнце золотая насечка моего седла, когда лошадь вставала на дыбы...

Г-жа де Монтрёй. О, я восхищаюсь вашим мужеством. Одна из моих лошадей так норовиста, я просто не знаю, что с ней делать.

Графиня. Какая же это? Иноходец или та, белая? Не удивляйтесь, о лошадях я знаю все. Главная беда – в конюхах. Эти бездельники только и знают, что за девками гоняться, а в остальное время просто дрыхнут. Чем выше положение человека, тем утонченнее его удовольствия. Возьмем, к примеру, вашего родственника. Происхождение его столь высоко, что он даже несколько перебарщивает по части утонченности. Маркиз, выражаясь фигурально, очищает заржавевшую кровь своих благородных предков, как чистят родовой меч или доспехи. Однако всю ржавчину из крови удалить не так-то просто, поэтому обнаженным женским телом он вынужден любоваться сквозь кровавые разводы...

Г-жа де Монтрёй. Вы хотите сказать, что конюхи добродетельнее аристократов? В последнее время пороки дворянства действительно стали притчей во языцех, но лишь потому, что народ с давних пор привык считать своих господ об-

разцом добродетели.

Графиня. Дело не в этом. Просто черни надоела добродетель, черни хочется вкусить порока, бывшего доселе привилегией аристократов.

Баронесса. Не нужно спорить, мы ведь пришли сюда не для этого. Госпожа де Монтрёй, все знают вас как даму самых строгих правил, безупречную во всех отношениях, никто и никогда не осмеливался говорить о вас дурно. Я очень хорошо понимаю, как вы должны страдать от выходов вашего беспутного зятя, но такова уж, видно, воля Божья. Расскажите нам все как есть. Уже одно это облегчит вашу душу, а мы с госпожой графиней не обманем вашего доверия.

Г-жа де Монтрёй. Это были прекрасные слова, госпожа де Симиан... Хотите верьте, хотите нет, но, когда моя дочь Рене выходила замуж за Альфонса, я нарадоваться не могла на своего будущего зятя. Я считала, что он, быть может, немного легкомыслен, но зато так умен, так остроумен, так любит Рене...

Графиня. К тому же благодаря этому союзу ваша семья приблизилась ко двору.

Г-жа де Монтрёй. Это само собой, но и без того я была просто очарована маркизом. Представляете, когда после свадьбы мы все жили в замке Эшофур, Альфонс ставил пьесы собственного сочинения, а мы с Рене в них играли...

Баронесса. О, как я вас понимаю. Альфонс с детства был очень добр и необычайно оригинален. Помню, как-то, гуляя

по розарию, я занозила палец шипом розы и заплакала от боли. Альфонс вытащил занозу и был настолько мил, что поцеловал ранку.

Графиня. Выходит, его уже тогда привлекал вкус крови.

Баронесса (*в сердцах*). Вы из него делаете какого-то вампира!

Графиня. Все знают, что вампиры весьма милы и обходительны.

Г-жа де Монтрёй. Не ссорьтесь, прошу вас. Альфонса можно осуждать сколько угодно, но лучше он от этого, увы, не станет. В те самые счастливые дни, когда зять ставил с нами спектакли, он тайком частенько наведывался в Париж – я узнала об этом значительно позже – и... проводил там время... с женщинами определенной профессии...

Графиня. Вы хотите сказать, со шлюхами.

Г-жа де Монтрёй. Вы, графиня, так решительны. Как лихо вы произнесли это словечко... Да, Альфонс распутничал именно с женщинами этого сорта. Все это было бы еще полбеды: в конце концов, развратный зять – проблема внутрисемейная, и, кроме пересудов в обществе, опасаться, казалось бы, нечего. Однако через пять месяцев после свадьбы Альфонс угодил в Венсенскую тюрьму. Именно тогда я и узнала всю правду. О, какой это был кошмар! Я пустила в ход все свое влияние, тем временем моля Бога только об одном: чтобы Рене ни о чем не узнала. Через пятнадцать дней мне удалось добиться, чтобы зятя освободили. Я сделала это из жа-

лости к дочери, уверяя себя, что Альфонс просто оступился по молодости. К тому же Рене так его любила... Уже потом, значительно позднее, стало ясно: то были не случайные грехи молодости, о нет!

Баронесса. Как я вас понимаю.

Г-жа де Монтрёй. И вот уже девять лет я только тем и занимаюсь, что спасаю доброе имя рода де Сад и честь моей бедной дочери, веду тяжкую борьбу без всякой надежды на победу. Я отказалась от жизненных радостей, истратила последние сбережения. Все мое время и все мои силы уходят на то, чтобы покрывать бесчинства, которые устраивает Альфонс. А чем мне помогла семья маркиза? Старый граф, его отец, измученный скандальным поведением сына, только ругался и сыпал проклятиями. Впрочем, его уж пять лет как не стало... Альфонс доставил мне неисчислимые страдания. Правда, иногда из каких-то потаенных глубин его души пробивался чистый родник искренности и доброты. И тогда мою жизнь озарял слабый луч надежды. Но родник неизменно иссякал, следовала новая безобразная выходка, и невозможно было предугадать, когда родник забьет опять... Мать маркиза жива, но от нее нет никакой помощи. Это весьма холодная, бесчувственная особа. Последние двенадцать лет она живет в монастыре. У нее громада фамильных бриллиантов, но она даже ради свадьбы собственного сына не согласилась продать хоть бы один... Почему я должна быть нянькой милому сынку этих милых родителей? То у него скан-

дальный роман с той актриской, Колеетт, и я сбиваюсь с ног, чтобы замять дело. То, четыре года назад, он устраивает дебош в селении Аркёй, и я всеми правдами и неправдами добываю королевский указ о помиловании. Всего семь месяцев – и Альфонс на свободе. А какие средства ушли на то, чтобы спрятать концы!

Баронесса. Что там случилось, в том селении?

Графиня выразительно щелкает хлыстом.

А-а, понятно.

Г-жа де Монтрёй (*с горечью*). Вы невероятно проницательны, дорогая графиня. Четыре года назад в селении Аркёй этот человек жестоко обошелся с девушкой-нищенкой. По сравнению с последним скандалом это был пустяк, но беда в том, что моя дочь обо всем узнала. Ей открылось подлинное, жуткое лицо мужа. Рене так добродетельна, она так любила Альфонса. Думаю, она и поныне не оправилась от удара. Ну а эта нынешняя история... Я давно уже отчаялась, но ради дочери... Да, на сей раз ради одной Рене я все-таки хочу попытаться спасти Альфонса... Однако этот случай переходит все границы! (*Плачет.*) Мои возможности исчерпаны, силы на исходе...

Графиня. Насколько я помню, герб де Садов изображает орла с двумя головами. Маркиз всегда держал обе головы своего орла высоко поднятыми. Одна голова – гордость древ-

него рода, восходящего к двенадцатому столетию; другая – порочные наклонности отпрыска этого рода. Вы, сударыня, в течение девяти лет постоянно пытались умертвить одну из этих голов, сохранив другую. Боюсь, задача оказалась непосильной. Пускай живут обе головы, – в конце концов, они растут из одного тела.

Г-жа де Монтрёй. Альфонс болен! Если отвести от него гнев людской, одновременно приложив все усилия к его исцелению, Господь рано или поздно смилостивится и счастливые дни еще вернутся. Так считает и Рене.

Графиня. Но как убедить больного, что нужно излечиться от недуга, если недуг доставляет ему наслаждение? Болезнь маркиза сладостна, вот в чем все дело. Постороннему глазу недуг кажется ужасным, но за острыми шипами скрывается благоуханная роза.

Г-жа де Монтрёй. Подумать только, ведь я уже очень давно знала, куда все это приведет! Я видела этот зловещий плод, ныне наполненный ядовитым соком, когда он был совсем зелен. Почему я не раздавила его еще тогда?

Графиня. Полагаю, что, если бы вы его раздавили, маркиз бы просто умер. Видите ли, плод, о котором вы говорите, – это апельсин, в котором вместо сока – алая кровь Альфонса. Сударыня, мой авторитет в области порока необычайно высок, так что выслушайте меня со вниманием... Порок – это целая страна, в которой есть абсолютно все: хижины пастухов, ветряные мельницы, ручьи, озера. И не толь-

ко идиллические детали ландшафта – есть там и глубокие ущелья, пышущие огнем и серой, есть дикие пустыни. Вы найдете там заброшенные колодцы и дремучие леса, в которых обитают хищные звери... Вы следите за моей мыслью? Это поистине необъятная страна, находящаяся под покровительством небес. Что бы ни стряслось с человеком, причины следует искать там, в той стране... Я расскажу вам о своем детстве, чтобы вы лучше могли меня понять. Ребенком и даже позднее, уже девочкой-подростком, я смотрела на мир как бы через подзорную трубу, только повернутую растробом к себе. *(Показывает с помощью хлыстика.)* Так научили меня родители и все окружающие. Так велит общественная мораль и традиционное воспитание. Я смотрела в эту перевернутую подзорную трубу и видела очаровательные крошечные газоны с зелененькой травкой, раскинувшиеся вокруг нашего дома. Моей детской душе было хорошо и спокойно от этого невинного, игрушечного пейзажа. Я верила, что, когда вырасту, газоны просто станут пошире, травка повыше, а я буду жить так же, как все вокруг, – счастливо и безмятежно... И вдруг, сударыня, в один прекрасный день со мной происходит нечто. Без всякого предупреждения, без малейшего намека – просто приходит, и все. Внезапно сознаешь, что смотрела на мир не так, что, оказывается, глядеть-то надо не в большое окошечко, а в маленькое. И все в твоей жизни переворачивается. Я не знаю, когда это открытие сделал господин маркиз, но был и в его жизни такой день,

наверняка был. Неожиданно его взору открылось всякое разное, о чем он и не подозревал. И он увидел, как из далеких расщелин поднимаются языки желтого пламени, заглянул в кроваво-красную клыкастую пасть зверя, высунувшегося из чаши. И он понял: его мир безграничен и есть в этом мире все. Абсолютно все. И потом ничто уже не способно было удивить маркиза... А марсельская история – что же, совершенно невинный эпизод: мальчик, играя, оборвал бабочке крылья, только и всего.

Г-жа де Монтрёй. Все равно я ничего в этом не пойму, как бы красноречиво вы ни объясняли. Так, потеряв голову, я мечусь уже который год – то на запад, то на восток. Единственное, что доступно моему пониманию, – это слово «честь»... Как вы, должно быть, знаете, судебная палата города Экс, несмотря на все мои хлопоты, приговорила Альфонса к отсечению головы, а поскольку осужденный скрывается, то двенадцатого числа прошлого месяца на центральной площади Экса сожгли его портрет. Я была здесь, в Париже, но мне мерещилось, что я слышу радостные вопли черни и вижу, как пламя пожирает холст – смеющиеся глаза Альфонса, его золотые локоны...

Баронесса. Пламя ада выплеснулось на миг из преисподней.

Графиня. Толпа, я полагаю, кричала: «Огня! Больше огня!» Это сожжение – полная ерунда. Их костер – пламя зависти. Черни никогда не возвыситься до такого порока, вот

она и завидует!

Г-жа де Монтрёй. «Больше огня!» А если этот крик раздастся под окнами моего дома? Мне говорили, что чернь поминала и наши с дочерью имена.

Баронесса. «Больше огня!»? Не бойтесь, это всего лишь призыв к пламени очищения. Теперь, когда портрет маркиза сожжен, его грехи искуплены.

Графиня. «Больше огня!»... Значит, языки пламени хлестали по белым холенным щекам маркиза, по его золотым волосам? Двести пятнадцать ударов, потом еще сто семьдесят девять... Стоит ли удивляться, что портрет смеялся? В наслаждениях маркиза есть что-то леденящее, огонь пришелся весьма кстати.

Г-жа де Монтрёй. Войдите в мое положение. Сюда, в Париж, доходят вести одна хуже другой. Где скрывается зять – неизвестно. Моя дочь Рене льет слезы в замке Лакост. А младшая, Анна – Анна Проспер де Лонэ... Она – сама чистота и свежесть. Девочка могла бы в эти страшные дни побыть с матерью, один вид ее личика помог бы мне забыть о зловещей тени, что легла на наш род. И мы отправились бы с ней вдвоем путешествовать в какие-нибудь мирные, красивые края... Я так одинока. Не на кого опереться. Все мои усилия тщетны. Я бы воззвала к небесам, моля о помощи, но горло мое пересохло, и нет сил кричать. *(Плачет.)*

Баронесса. Сударыня, не падайте духом. Мужайтесь. Я понимаю, зачем вам понадобилась богомольная баронесса де

Симиан. И я завтра же отправлюсь к его преосвященству кардиналу Филиппу, который, на счастье, сейчас в Париже. Буду умолять, чтобы кардинал написал в Рим, его святейшеству. Папа заступится за маркиза.

Г-жа де Монтрёй. О, как я вам благодарна! У меня нет слов... Я и в самом деле хотела просить вас об этом, но, наконец, не осмелилась бы... Вы так добры, милая баронесса.

Графиня. Не то чтобы я стремилась соперничать с баронессой в доброте, да и, как вы знаете, праведность, честь и добродетель – не моя епархия. Но я помогу вам – не ради вас, сударыня, а ради маркиза. Мое оружие – постель. Такое же, как у тех шлюх, подружек Альфонса. Мне не составит труда совратить с пути праведного достопочтенного мэтра Мопы, генерального судью. Насколько я поняла, требуется отменить приговор судебной палаты города Экса? Вы ведь ради этого меня пригласили? Хотели попросить, чтобы я потроговала своим телом. Не правда ли, сударыня?

Г-жа де Монтрёй. Что вы, мадам! Как вы могли подумать...

Графиня (*со смехом*). Ладно уж, не оправдывайтесь. Ваш замысел – использовать порок на службе у добродетели – поистине великолепен. Порок тоже кое-чего стоит, и вы отлично это знаете. Даже причуды вашего зятя...

Г-жа де Монтрёй. Так вы мне поможете?

Графиня. Да.

Г-жа де Монтрёй. Благодарю. Я готова была на коленях

молить вас. Как мне выразить вам свою признательность?
Графиня. Зачем мне ваша признательность?

Входит Шарлотта.

Шарлотта. Госпожа... (*Мнется.*)

Г-жа де Монтрёй. Говори. У меня не осталось таких тайн, которых уже не знали бы эти дамы... Да и нет у меня сил, чтобы выходить за дверь и шептаться там с тобой.

Шарлотта. Слушаюсь. Э-э...

Г-жа де Монтрёй. Ну что там у тебя?

Шарлотта. Приехала госпожа маркиза де Сад.

Г-жа де Монтрёй (*удивленно*). Что?

Гости переглядываются.

Почему она вдруг покинула замок?.. И не предупредила...
Ну что же ты, води ее скорей сюда!

Шарлотта. Слушаюсь. (*Уходит.*)

Появляется маркиза де Сад.

Г-жа де Монтрёй. Рене!

Рене. Матушка!

Обнимаются.

Г-жа де Монтрёй. Как хорошо, что ты приехала, доченька.

Я так по тебе соскучилась.

Рене. И я. Взяла вот и отправилась в дорогу. Я больше не в силах выносить жизнь в Лакосте! Эти осенние прованские дожди! Эти крестьяне, шушукающиеся за спиной и пляшущие на жену маркиза де Сада во все глаза! А в замке сидеть мочи нет – тоска, одиночество. По ночам красный отсвет факелов на голых стенах. Крики воронья... Так захотелось увидеть вас, матушка, поговорить по душам. Села в карету и всю дорогу до самого Парижа твердила кучеру, чтоб настегивал лошадей.

Г-жа де Монтрёй. Я понимаю, Рене. Я понимаю... Вот и умница, что приехала. Не только тебе было тоскливо и одиноко. Твоя бедная мать вся извелась, день и ночь думала только о тебе, несчастная моя доченька. Не знаю, как я не лишилась рассудка... Ах, простите! Я не представила вас. Ты ведь незнакома с графиней де Сан-Фон? Моя дочь Рене, маркиза де Сад.

Рене. Счастлива познакомиться. И рада видеть вас, тетюшка Симиан. Как давно мы не встречались.

Баронесса. Сколько тебе пришлось вынести, бедная девочка.

Г-жа де Монтрёй. Наши дорогие гости обещали помочь. О, они вдвоем окажут нам поистине неоценимую услугу! Поблагодари же их от всей души.

Рене. Я вам так признательна. Вы – наша последняя надежда.

Баронесса. Ну что вы, что вы. Я счастлива, когда могу прийти на помощь ближнему. Завтра же прямо с утра начну действовать.

Графиня. Пожалуй, пойду.

Баронесса. Да-да, и мне пора.

Г-жа де Монтрёй. Вы не представляете, как я вам благодарна. Не смею вас задерживать.

Рене. Я ваша неоплатная должница.

Графиня. Но все же, прежде чем я откланяюсь, позвольте, маркиза, задать вам один вопрос. Вы, должно быть, сочтете его нескромным. При первой встрече спрашивать о таком и в самом деле не следовало бы. Но я так любопытна...

Рене. Спрашивайте.

Графиня. Госпожа де Монтрёй поведала нам много любопытного о вашем супруге, да я, признаться, и без того была наслышана. Ваше семейство – простите за сравнение – как бы разгуливает по улицам в абсолютно прозрачном платье. Полагаю, это для вас не новость?

Рене. Нет.

Графиня. И вас не оскорбит бесцеремонный вопрос, какие не принято задавать в светских салонах? Обещайте, что вы отнесетесь к нему спокойно, как если бы я спрашивала вас о ваших виноградниках, удобрениях или о чем-нибудь в этом роде.

Рене. Обещаю.

Графиня. Я считаю, что господин маркиз – человек по су-

ти своей бесконечно нежный, но эту свою нежность может выразить лишь посредством пресловутых конфеток и кнута, то есть посредством жестокости. (*Резким тоном.*) А каков он с вами – нежен или жесток?

Рене. Что, простите?

Баронесса. Графиня, как вы можете!

Графиня. Отвечайте же!

Рене. Если я отвечу, что нежен, вы решите: ага, это он прикрывает свою жестокость. Если же скажу, что он жесток...

Графиня. Я вижу, вы женщина умная.

Рене. Отвечу так. Вы хотите знать, каков мой муж? Он любит меня так, как подобает мужу любить жену. И если бы вы оказались возле нашего ночного ложа, вы не увидели бы ничего такого, что дало бы повод к злым сплетням.

Графиня. Ну да? (*Изумленно разглядывает маркизу де Сад.*) Прелестно! Столь образцовой семейной паре, очевидно, и нежность ни к чему.

Рене. Равно как и жестокость.

Баронесса. Пойдемте, графиня, нам пора.

Графиня. Да. Прощайте, сударыни.

Г-жа де Монтрёй. Спасибо за визит. И еще раз от всего сердца благодарю.

Баронесса и графиня уходят.

Рене. Уф!

Г-жа де Монтрёй. Ты замечательно ее срезала. Превосходный ответ! Я так горда тобой... Подлая тварь! Подумать только – и эту змею я должна молить о помощи.

Рене. Не стоит, матушка, из-за этого расстраиваться. По сравнению с прочими нашими бедами это такой пустяк... Так, значит, они обещали помочь Альфонсу? Они помогут?

Г-жа де Монтрёй. Сказали, что помогут.

Рене. Слава богу. Уже ради одного этого стоило мчаться в Париж... Бедный, бедный Альфонс!

Г-жа де Монтрёй. Так ты приехала сюда не для того, чтобы повидаться со мной?.. *(Как бы между прочим.)* Ты не знаешь, где сейчас Альфонс?

Рене *(с невинным видом)*. Сама теряюсь в догадках.

Г-жа де Монтрёй. В самом деле? Что же, он даже собственной жене не сообщил, куда намерен отправиться?

Рене. Если бы я знала, где он, мне было бы трудно утаить правду от тех, кто его разыскивает. Лучше уж не знать. Так безопаснее для Альфонса. А его безопасность мне дороже всего на свете.

Г-жа де Монтрёй. Ты – образец добродетельной супруги. Каким чудесным цветком расцвели воспитание и образование, которые я тебе дала. Если б только твой избранник был тебя достоин...

Рене. Разве не вы учили меня когда-то: «Добродетель неподвластна обстоятельствам»?

Г-жа де Монтрёй. Так-то так, но всему есть мера.

Рене. Если грехи мужа превышают эту меру, то и моя добродетель должна быть на высоте.

Г-жа де Монтрёй. У меня разрывается сердце, когда я вижу, как мужественно ты держишься под ударами судьбы. Я вспоминаю, каким счастливым и безмятежным было твое детство, – контраст слишком разителен. Твой отец, всеми почитаемый президент налоговой палаты! Пусть наш род не слишком древний, но зато мы были богаты – не то что маркизы де Сад. Мы с отцом ничего для тебя не жалели, и ты выросла прекрасной, благородной – такую впору выдавать за принца. Кто имел бы больше прав рассчитывать на жизнь, полную счастья? И что же! Где были мои глаза? Боже, какой кошмарный выбор мы сделали! Подобно Прозерпине, собиравшей цветы и похищенной владыкой ада, ты оказалась ввергнута в преисподнюю. И твой покойный батюшка, и я прожили свою жизнь честно, не стыдно было смотреть людям в глаза. За что же, за что наша невинная дочь низвергнута в пучину такого несчастья?!

Рене. Что вы, матушка, все о несчастье да о несчастье. Терпеть не могу это слово. Несчастливая – это прокаженная старуха, выпрашивающая милостыню...

Г-жа де Монтрёй. Ох, я всегда делаю так, как хочешь ты. Это ты упросила меня спасти твоего муженька. Потому-то я и пошла сегодня на такое унижение... И все-таки, все-таки... Да, раз уж ты столь неожиданно приехала ко мне, я скажу то, что думаю. Бог с ним, с королевским двором и с вы-

сокими связями. Послушай меня, расстанься с Альфонсом.

Рене. Господь не позволяет расторгать браки.

Г-жа де Монтрёй. Расторгать не обязательно, достаточно просто порвать с Альфонсом все отношения. И очень хорошо, что Господь не одобряет разводов, – ты можешь жить отдельно от своего супруга и при этом оставаться маркизой.

Рене (*после паузы*). Нет, матушка, я не расстанусь с Альфонсом – ни перед Богом, ни перед людьми.

Г-жа де Монтрёй. Но почему? Откуда такое упрямство? Что это – оскорбленное самолюбие? Боязнь пересудов?.. Ну не любовь же, в самом деле!

Рене. Не знаю, можно ли это назвать любовью. Но уж самолюбие и боязнь пересудов тут определенно ни при чем... Очень трудно объяснить так, чтобы вы поняли. Как вам известно, матушка, теперь я знаю все. Я знаю, какие страсти владеют Альфонсом, знаю, что он вытворяет, знаю, что говорят о нем люди. Я провела в Лакосте немало бессонных ночей, вспоминая свою жизнь после свадьбы. Я все теперь понимаю, матушка. Все. То, что прежде было рассеяно в памяти, соткалось в некий единый узор, связалось в одну цепочку. В ожерелье из ярко-алых камешков. Да, камешков красных, как кровь... Еще во время нашего свадебного путешествия, где-то в Нормандии, Альфонс велел остановить карету посреди луга, усыпанного лилиями. «Хочу напоить лилии допьяна», – сказал он и стал вливать в раскрытые бутоны красное вино. А потом смотрел, как багровые капли стекают

между лепестками... Или еще. Мы впервые оказались в Лакосте и гуляли вдвоем по двору замка. Альфонс остановился возле сарая, где лежали вязанки дров, перетянутые веревками, и сказал: «Какое уродство! Представляешь, вот была бы красота – белоснежные березовые стволы, стянутые золотыми канатами!..» А один раз там же, в Лакосте, когда мы возвращались с охоты, Альфонс прямо пальцами вырвал у убитого зайца сердце из груди. «Взгляни, – засмеялся он, –местилище любви у зайца той же формы, что у нас с тобой...» Я тогда воспринимала все это как милые, эксцентричные причуды. И лишь теперь бусины соединились в одну нить... В моей душе родилось всепоглощающее чувство, неподвластное рассудку. Чувство говорило: «Раз уж тебе удалось собрать в одно ожерелье рассыпанные в памяти бусины, береги теперь эту драгоценность, храни ее как зеницу ока». А что, если когда-то, давным-давно, так давно, что туда даже не проникают лучи памяти, я оборвала нить своего ожерелья и оно рассыпалось? Вдруг теперь я сумела восстановить его в первозданном виде?

Г-жа де Монтрёй. Ты имеешь в виду рок, фатум?

Рене. Нет, рок здесь ни при чем.

Г-жа де Монтрёй. Но ведь эти самые алые бусы рассыпал Альфонс, а не ты.

Рене. Рассыпал и преподнес мне.

Г-жа де Монтрёй. Все это гордыня и самообман. Ты себя просто губишь!

Рене. Я же говорила, матушка, вы не поймете. А я наконец постигла самую суть, истину. И на этом знании зиждется моя добродетель. Можете ли вы понять, что говорит вам жена Альфонса де Сада?

Г-жа де Монтрёй. Истина – это кнут и сладкие пилюльки. Срам и бесчестие – вот в чем истина!

Рене. Голос житейской мудрости. Извечное пристрастие племени людей. Стоит произойти чему-то необычному, как люди сразу слетаются со всех сторон, словно мухи на труп, и высасывают, высасывают из случившегося свою житейскую мудрость. Потом труп закопают, а у себя в тетрадочках запишут и обязательно пометят: это – срам, это – бесчестье и так далее. А мне до житейской мудрости дела нет. Я столкнулась с явлением, на которое табличку с надписью не повесишь. Проще простого было бы решить для себя: мой муж – чудовище, – и дело с концом. Он – чудовище, а я – честная, достойная, безупречная.

Г-жа де Монтрёй. Но ведь Альфонс и в самом деле чудовище! Разве нормальному человеческому существу возможно понять его поступки? Лучше и не пытаться – а то как бы самой не обжечься.

Рене. Так не бывает, чтобы один из супругов был чудовищем, а другой – обыкновенным, нормальным человеком.

Г-жа де Монтрёй. Рене! Уж не хочешь ли ты сказать...

Рене. Не пугайтесь, матушка, не пугайтесь. Или в вас говорит любопытство, как в графине Сан-Фон? Я всего лишь хо-

чу сказать, что раз мой муж – чудовище порока, то мне ничего не остается, как быть чудовищем добродетели. То, с чем я столкнулась, не имеет имени и названия. Все вокруг говорят, что Альфонс – преступник. А я знаю: Альфонс и его грехи – это одно целое. Улыбка маркиза и его ярость, нежность и жестокость, ласковое прикосновение пальцев к моим плечам, когда он снимает с меня пеньюар, и рука, хлещущая кнутом марсельских шлюх, – тут одно от другого не оторвать. И красная от крови, поротая задница Альфонса неотделима от его холеных локонов и благородного очертания губ.

Г-жа де Монтрёй. Как ты можешь соединять высокое и низкое, благородное и мерзкое?! Ты сама себя унижаешь! Женщина рода де Монтрёй никогда, никогда и ни в чем не может быть поставлена рядом с марсельской девицей сомнительного поведения! Так что нечего подыскивать оправдания своему муженьку – мне, матери, больно это слышать.

Рене. Вы так ничего и не поняли, матушка. А ведь мы должны мыслить и чувствовать одинаково, если хотим спасти Альфонса. Ну как же вы не видите! Альфонс – это симфония, в которой есть только одна тема – главная и единственная. Я поклялась хранить верность мужу, а стало быть – и звучащей в нем музыке. Иногда тема нежна и мелодична, иногда – яростна и жестока, в ней слышен свист кнута, в ней брызжет кровь. Мне Альфонс не исполнял той, второй части – уж не знаю, из уважения или из пренебрежения. Но я теперь очень хорошо понимаю главное: если хочешь быть вер-

ной женой, надо любить не добрые слова и дела мужа, а истинную его природу. Обшивка корабля, плывущего по океану, приемлет и пожирающего ее древесного червя, и чистую морскую воду.

Г-жа де Монтрёй. Но мы обе с тобой обманулись – он прикидывался не таким, каков есть.

Рене. Матушка, не родилась еще такая женщина, которую мог бы обмануть мужчина.

Г-жа де Монтрёй. Да уж слишком твой мужчина не похож на остальных.

Рене. И все-таки – мужчина. Уж поверьте мне... Но вы правы, выходя замуж, я совсем еще его не знала. И узнала, что он такое на самом деле, совсем недавно. Однако не могу сказать, что мне открылся чужой, незнакомый облик, – все равно это мой Альфонс. Ведь не выросли же у него, в конце концов, рога и хвост! А может быть, я потому и полюбила его когда-то, что угадывала зловещую тень, спрятанную за веселой улыбкой и ясным взором? Невозможно любить розу и одновременно ненавидеть ее запах.

Г-жа де Монтрёй. Глупости. Просто роза имеет запах, соответствующий ее виду.

Рене. Откуда вы знаете, быть может, страсть к крови, одолеваящая Альфонса, досталась ему от далекого предка, ходившего в Крестовый поход?

Г-жа де Монтрёй. Не забывай: кровь, о которой ты говоришь, – это кровь... низких женщин.

Рене. Ах, матушка, кровь есть кровь – природу не обманешь.

Г-жа де Монтрёй. Ей-богу, такое чувство, словно это Альфонс со мной разговаривает, а не ты!

Рене. Умоляю, матушка, спасите его! Ради бога! Если бы только Альфонса помиловали! Клянусь, я бы все сделала, чтобы достучаться до его сердца, до его сумрачной, истерзанной души! Я смогла бы это сделать – и сплетням пришел бы конец. Их вытеснили бы вести о добрых делах маркиза, он искупил бы свою вину перед людьми! О-о, только бы спасти его, только бы спасти!.. *(В полуобморочном состоянии. Покачнулась.)*

Г-жа де Монтрёй *(поддерживает ее)*. Бедняжка, ты совсем выбилась из сил. Пойди приляг. Отдохнешь часок, сердце и успокоится. Может, что-нибудь и придумаем. Ну же, пойдем. Я отведу тебя. *(Уводит маркизу в спальню.)*

Из другой двери появляется младшая сестра маркизы де Сад, Анна де Лонэ, в сопровождении Шарлотты.

Шарлотта. Что же это вы с сестрицей не хотите повидаться?

Анна. Слишком неприятная может выйти беседа. Надо же, в кои-то веки выбралась в Париж с матушкой повидаться, а тут любимая сестрица откуда ни возьмись... Один ее взгляд чего стоит: мол, все-то я про вас про всех знаю, всех-

то я вас насквозь вижу. И ведь в самом деле видит. Но великодушно снисходит к нашим слабостям. Брр! Боюсь ее!

Шарлотта. Ай-ай-ай, как же можно о родной сестре так-то говорить?

Анна. Поди, Шарлотта, шепни матушке, что я здесь и жду ее.

Шарлотта уходит.

Почти сразу же появляется госпожа де Монтрёй.

Г-жа де Монтрёй. Анна! Радость какая!

Анна. Здравствуйте, матушка. Как давно я вас не видела.

Обнимаются.

Г-жа де Монтрёй. Счастливый день! Обе мои доченьки приехали.

Анна. Да, Шарлотта мне сказала. Значит, Рене здесь?

Г-жа де Монтрёй. Она в спальне. Устала с дороги. Пусть немножко отдохнет, так будет лучше. Она столько вынесла, столько вынесла... Ну ладно. Ты-то как доехала? Откуда ты?

Анна. Из Италии.

Г-жа де Монтрёй. Где была?

Анна. Бо`льшую часть времени в Венеции.

Г-жа де Монтрёй. Далеко же тебя занесло.

Анна. Путешествие было такого рода, когда лучше дер-

жаться подальше от знакомых мест.

Г-жа де Монтрёй. С чего моей дочери от людей прятаться? Ты ведь у меня сама невинность.

Анна. Не мне надо было прятаться. Моему спутнику.

Г-жа де Монтрёй. Какому еще спутнику? Ты ездила с кем-то из знакомых?

Анна. С зятем.

Г-жа де Монтрёй. С кем?!

Анна. С Альфонсом.

Г-жа де Монтрёй (*потрясена*). Но... Но ведь не все же время ты была с ним?

Анна. Всё.

Г-жа де Монтрёй. Боже, какая же ты...

Анна. О нет! Меня винить не надо. В самый первый мой приезд в Лакост в первую же ночь Альфонс пробрался в мою спальню. Я его не приманивала, нет. Но и не оттолкнула. Так это с тех пор и тянулось. А потом он говорит: «Я должен бежать. Поедешь со мной?» Ну я и поехала. Почти всю Италию исколесили.

Г-жа де Монтрёй. О-о, мне страшно! Это же Сатана! Дьявол! Ему мало было одной моей дочери, он добрался и до второй... (*Пытается собраться с мыслями.*) Несчастливая Рене! Хранить верность этому чудовищу!.. Анна, обещай мне: Рене ни слова, это будет наша с тобой тайна. Поняла? Если только она узнает, если узнает! Она умрет. Просто умрет.

Анна. Что вы, матушка. Рене все знает.

Г-жа де Монтрёй. Знает?!

Анна. Да-да, она знает.

Г-жа де Монтрёй. Ничего не понимаю! Про что знает?

Анна. Про то, что у меня было с Альфонсом в Лакосте...

Г-жа де Монтрёй. Рене? Не может быть!

Анна. Про то, что мы ездили в Италию. И где Альфонс прячется сейчас, она тоже знает.

Г-жа де Монтрёй. Ах вот, значит, как? Знает – а от меня скрывает. Боже, какая... (*Замолкает и, что-то решив, продолжает.*) Послушай, Анна, ты, верно, тоже знаешь, где Альфонс.

Анна. Конечно.

Г-жа де Монтрёй. Где же?

Анна. В Сардинском королевстве, в Шанбери. Он прячется в простом крестьянском доме, подальше от людных мест.

Г-жа де Монтрёй. Как называется это место?

Анна. Шанбери.

Г-жа де Монтрёй сосредоточенно размышляет.

Г-жа де Монтрёй (*порывисто*). Шарлотта! Эй, Шарлотта!

Входит Шарлотта.

Я намерена написать три письма. А ты немедленно их от-

правишь.

Шарлотта. Как прикажете, мадам. (*Хочет уйти.*)

Г-жа де Монтрёй. Нет, не уходи, жди здесь. Нельзя терять ни минуты.

Шарлотта остается на сцене. Г-жа де Монтрёй садится к секретеру, раскрывает его и быстро пишет одно за другим три коротких письма, запечатывает их. Тем временем Анна и Шарлотта разговаривают.

Шарлотта. Барышня, поди, хороша Венеция летом?

Анна. Восхитительна. (*Мечтательно.*) Ощущение опасности, нежность, дыхание смерти, грязные каналы... Вода поднялась, и к площади Святого Марка не пройти...

Шарлотта. Хоть одним глазком бы взглянуть.

Анна. По ночам звенели шпаги, а утром маленькие мостики были покрыты росой и пятнами засохшей крови. И мириады голубей, все небо в голубях... Когда тихо, вся площадь Святого Марка белым-бела от копошащихся птиц, а потом вдруг испугаются чего-нибудь – и разом взлетают, оглушительно полоща крыльями... И повсюду жгли его чучела.

Шарлотта. Чьи, барышня, чучела?

Анна. Перезвон колоколов, плывущий над мутной водой. Всюду мосты, мосты – их не меньше, чем голубей... А ночью такая луна! Она выныривала прямо из канала и заливала алым сиянием нашу постель. Казалось, сразу сотня девственниц утратила невинность. По меньшей мере сотня...

Шарлотта. И гондольеры, наверно, распевали свои песни,

да? Вот красотища-то!

Анна. Гондольеры? Распевали?... А, ну это другая Венеция, для обыкновенных людей.

Г-жа де Монтрёй (*поднимается, держа в руках три запечатанных конверта*). Шарлотта!

Шарлотта. Слушаю, мадам.

Г-жа де Монтрёй. Это – графине де Сан-Фон, это – баронессе де Симиан. Если не застанешь, вели слугам передать: я отменяю свою просьбу и прошу как можно быстрее известить об этом их госпожу. Ты поняла? (*Передает два письма.*)

Шарлотта. Да, мадам. (*Уходит.*)

Г-жа де Монтрёй. Ну а как быть с письмом его величеству? (*Смотрит на конверт.*) Ладно, отвезу его во дворец сама.

Занавес

Действие второе

Сентябрь 1778 года. Прошло шесть лет.

На сцену одновременно выходят Рене и Анна.

Рене. Анна, ты?!

Анна. Рене, у меня хорошая новость!

Рене. Но откуда ты? И так внезапно.

Анна (*высоко поднимает свиток, перевязанный лентой*).

Ну-ка, угадай, что это.

Рене. Не нужно меня дразнить.

Анна. Вот, вот, вот!

Рене. Перестань.

Сестры, обе в пышных кринолинах, мечутся по сцене: Анна убегает, Рене догоняет. Наконец свиток в руках у маркизы.

Ну, что это? (*Очень спокойно, не спеша читает.*) «Решение судебной палаты города Экс-ан-Прованс. В месяце мае сего года нами был получен королевский эдикт, скрепленный золотой печатью, коим предписывалось произвести повторное разбирательство дела Донасьена Альфонса Франсуа маркиза де Сада. Следуя воле его величества, мы признали приговор, вынесенный в 1772 году, недействительным и провели новое слушание, в результате которого по делу вышеозначенного маркиза де Сада вынесен следующий приговор. Подсудимый Донасьен Альфонс Франсуа де Сад, уличенный в распутстве и подрыве нравственности, получает строжайшее предупреждение и подвергается штрафу в размере пятидесяти ливров, а также лишается права въезда в город Марсель сроком на три года. Немедленно по уплате штрафа имя маркиза де Сада из тюремных списков исключить». О боже... (*Застывает в оцепенении, сама не своя от*

счастья.)

Анна. Ну, как новость, сестрица?

Рене. Это как сон...

Анна. Наоборот, сон закончился – кошмарный сон.

Рене. Альфонс свободен. И я... Шесть лет!.. Помнишь, как шесть лет назад, осенью, здесь же, в этом самом доме, мы все ломали голову, не зная, как его спасти? Это было вскоре после той ужасной марсельской истории. Ты только-только вернулась из Италии, куда ездила утешить бедного Альфонса.

Анна. «Утешить»? Почему бы не назвать вещи своими именами? Ведь дело-то давнее.

Рене. Давнее... Шесть лет я жила только одним – как вернуть мужу свободу. Сколько переменялось за эти годы! Шесть лет я колотила в запертую каменную дверь – в кровь разбила руки, обломала ногти, и все впустую!

Анна. Ты делала все, что могла.

Рене. Нет, мне одной было бы не справиться. Это матушка заперла дверь между Альфонсом и мной. Только матушке было под силу ее и открыть.

Анна. Рада, что ты это понимаешь.

Рене. Потому ты и видишь меня в этом доме. Раньше, когда я считала мать своим врагом, я всегда, приезжая в Париж, останавливалась в гостинице.

Анна. Значит, теперь между нами тремя нет больше зла?

Рене. Ты стала совсем взрослой. А я... я уже немолода.

Анна. Сейчас, когда твое лицо светится счастьем, ты красивее и моложе, чем шесть лет назад.

Рене. Я поняла одну вещь: счастье – оно как крупички золотого песка в грязи. И в самом мрачном углу преисподней можно увидеть его сияние. Что для меня счастье? Все вокруг уверены, что женщины несчастнее меня не сыскать на всем белом свете. Унижена собственным мужем, который к тому же еще и в тюрьме. Опозорена гадкими сплетнями. Была б еще хоть богата – а то ведь и замок содержать не на что. Зимой нет денег на дрова, беру с собой в постель жаровню, чтоб не заоченеть. Но зато сколько радости принесла мне эта весна! На лугах вокруг Лакоста зазеленела трава, в высокие окна моего ледяного замка хлынуло теплое солнце, пение птиц обрушилось на Лакост, словно грянул целый оркестр из сверкающих медных труб! И во мне родилась надежда, что час освобождения близок. Злодейство Альфонса и мое несчастье как бы слились в некое единое целое – они ведь и в самом деле так схожи! Разве нет? И злодейство, и несчастье подобны заразе – люди в ужасе шарахаются от них, боятся, как бы болезнь не перекинулась. Но зато нет для людей более лакомых тем для пересудов, чем эти две. Мое несчастье за шесть лет достигло вершин, которые не уступят злодейству Альфонса. Я много думала об этом. Я одна понимала, чувствовала всем своим существом, как беспредельно одинок он там, в темнице! Каких бы чудовищных деяний Альфонс ни творил, сколько бы женщин и мужчин ни втянул

он в свои бесчинства, ему не достичь того, чего он жаждет, ибо жаждет он невыполнимого. Он всегда будет один. И он никогда никого не любил... Тебя тоже.

Анна. А тебя?

Рене. Наверное, нет. Потому-то мы, должно быть, всякий раз и миримся так быстро.

Анна. Ну да, а сама уверена, что только тебя он и любит.

Рене. Мечтать вольно всякому. Уж чему-чему, а полету фантазии у Альфонса я научилась.

Анна. А счастьем?

Рене. Счастье – мое собственное открытие. Ему Альфонс меня учить не пожелал. Счастье – ну как бы тебе сказать – это вроде вышивания гладью, дело кропотливое и трудоемкое. Сидишь одна-одинешенька, тебе горько, тоскливо, тревожно на душе, ночи беспросветны, зори кровавы, и ты все это медленно, тщательно вкладываешь в свой узор. И в результате выходит маленький гобелен, на котором всего лишь одна, самая что ни на есть обыкновенная, но – роза. Женские руки, женское терпение способны даже муки ада превратить в розовый бутон.

Анна. Понятно. Альфонс сварит из лепестков твоей розы варенье и будет мазать им себе булочку на завтрак.

Рене. Ты все ехидничаешь.

Входит г-жа де Монтрёй.

Г-жа де Монтрёй. Рене! Какая радость-то! Ну, поздравляю. Я нарочно Анну вперед послала, пусть, думаю, покажет тебе бумагу, пусть порадует.

Рене. Спасибо, матушка. Я всем обязана только вам. *(Опускается на колени и целует подол материнского платья.)*

Г-жа де Монтрёй в замешательстве смотрит на младшую дочь.

Г-жа де Монтрёй *(поднимая Рене на ноги)*. Ну к чему этот театр? Я долго была глуха к твоим мольбам, но твоя преданность способна растопить даже лед. Ты склонила меня на свою сторону – а разве могло быть иначе? Я же твоя мать! Ну вот, теперь все у нас снова будет хорошо... А признайся, ведь ты ненавидела свою бедную матушку?

Рене. Не надо, прошу! Не то я сгорю от стыда. Теперь все разрешилось. Он, верно, сразу же захочет уехать в Лакост. Мне нужно скорее готовиться к отъезду...

Г-жа де Монтрёй *(быстро переглядывается с Анной)*. Зачем такая спешка?

Анна. Пусть Альфонс немного потомится в одиночестве. Уж это-то он заслужил.

Г-жа де Монтрёй. Побудь хоть денек. В кои-то веки собрались втроем. Столько всего вынесли – неужели нам и поговорить не о чем? Всякое ведь было – теперь и посмеяться

не грех. Как тогда-то, помнишь? Ну, весной, когда ты устроила Альфонсу побег? Мне как сказали – я просто дар речи потеряла.

Рене. Я в самом деле ненавидела вас, матушка, всей душой. Мне казалось – никто, кроме меня, не спасет Альфонса.

Г-жа де Монтрёй. Честно говоря, та история заставила меня взглянуть на тебя по-новому. Я всегда думала, что ты тихая, беспомощная, а тут вдруг поняла: нет, она – моя дочь! Это надо же все так рассчитать, подготовить! Сколько решительности, мужества! Однако должна тебе заметить, Рене: зло можно исправить лишь с помощью справедливости и закона. Так всегда говорил твой отец, это повторяю тебе и я. Видишь, как славно я все устроила. А ведь я вела себя не так, как мамочка твоего Альфонса, – та все с Богом на устах, да с молитвой, да в монастырь, подальше от греха, а сама хоть бы один бриллиантик ради сына продала! Так и преставилась.

Анна. И тем не менее Альфонс был безутешен, когда она умерла.

Рене. Он оставил свое убежище, понесся в Париж на похороны, там его и схватили.

Г-жа де Монтрёй. Точно так же он убивался, когда умер его отец. Такую устроил истерику, что, помню, я и то расчувствовалась.

Рене. А обо мне он стал бы плакать?

Г-жа де Монтрёй. Ты же ему не мать... Хотя за эти годы, что он просидел в тюрьме, ты, должно быть, стала для него

вроде матери.

Анна. Уж я-то никогда не вела себя с ним как с сыночком.

Рене. Да и я превратилась в мать собственного мужа не по своей воле.

Г-жа де Монтрёй. Девочки, девочки, что за тон, что за пренебрежение к званию матери? Вы забываете, что я тоже мать!.. Впрочем, вы можете говорить все что угодно, но знайте: я никогда не прощу человека, растоптавшего жизнь обеих моих дочерей, которых я растила с такой заботой и любовью. Надеюсь, Рене, ты это понимаешь...

Рене. Он вовсе не растоптал мою жизнь.

Анна. А мою и подавно.

Г-жа де Монтрёй (*неприятно удивлена, но пытается это скрыть*). Вот как? Любопытно. Значит, не растоптал?

Рене. Осквернение, надругательство – это тот хворост, который разжигает в Альфонсе костер желаний... Знаете, как морозным утром весело бежит лошадь, разбивая копытами хрустальную корку льда? Так и Альфонс: когда под действием ночной стужи скопившаяся на земле грязная вода превращается в прозрачно-чистые льдинки, он давит их, вновь обращая в грязное крошево. О, это целое церемониальное действо! Поначалу шлюха или нищенка предстает перед Альфонсом кристально чистой, святой. И он самозабвенно хлещет ее кнутом – все, лед раздавлен. Потом, правда, наступает пробуждение, и Альфонс пинком выставляет своих подружек за дверь... Минуты испытанного блаженства напол-

няют душу Альфонса несказанной нежностью – она копится в нем, как нектар в пчеле. И всю эту нежность он изливает на меня, когда рано или поздно возвращается домой, – ведь больше не на кого. Сладкий нектар нежности, собранной им в поте лица, под палящими лучами жгучего летнего солнца, весь достается мне – измученной ожиданием в темном и холодном улье. Да, Альфонс – это пчела, приносящая блаженный нектар. А цветы, из которых высасывает он свою кроваво-красную пыльцу, – для него они ничто. Сначала Альфонс уподобляет их божеству, затем растаптывает, насыщается – только и всего. Это их жизнь он топчет, не мою.

Анна. До чего же ты, сестрица, обожаешь все приукрашивать. Как у тебя выходит поэтично, да вдобавок еще и логично – прямо красота. Ну и правильно – вещи крайне низменные, как, впрочем, и чрезмерно возвышенные, только и можно уразуметь при помощи поэзии. Правда, это как-то не по-женски. Я, например, никогда и не пыталась понять, что такое Альфонс. Вот почему ему всегда было со мной хорошо и спокойно – он чувствовал себя просто мужчиной. И я, когда он ласкал меня, была просто женщиной.

Рене. Ну что же, откровенность за откровенность: знаешь, Анна, ведь я попросту воспользовалась тобой. Иногда Альфонс испытывал потребность ощутить себя обыкновенным мужчиной. Со мной притворяться было бесполезно – уж я-то знала, какой он обыкновенный. Вот я и подтолкнула его к тебе.

Анна. Все очень складно, только жаль, милая сестренка, что ты не видела нас в Венеции. Какая кровавая, похожая на вырванную печень луна светила сквозь туман над каналом! С мостика под окном доносился звон мандолины и звучный голос певца. Наша смятая постель стояла возле самого подоконника и была похожа на берег, покрытый белым песком и водорослями, – так пахло влагой и морем. Альфонс не говорил со мной о крови, но я видела кровь в его глазах, она-то и была источником нашей сладостной неги...

Г-жа де Монтрёй. Что вы такое обе несете! Немедленно перестаньте! Да и какой смысл ссориться из-за событий шестилетней давности? Вспомните лучше, какая у нас сегодня радость. Я постараюсь не думать об Альфонсе плохо. Его злодейство – дело прошлое. Давайте поговорим о хороших его чертах. Я слышала – не знаю, верить или нет, – будто Альфонс обратился к религии?

Рене. Иногда, читая его письма, я чувствовала, что искра веры, стремление к Богу тлеет в его душе.

Г-жа де Монтрёй. Ну да, а в следующем письме он, наверное, писал, что намерен наложить на себя руки, а чуть позднее – крыл последними словами меня, подлую скрягу. Можешь не рассказывать, я и сама знаю. Очевидно, в этом-то и состоит прелесть твоего мужа: он не способен долго пылать одной страстью. Заглянет в окошко преисподней, отшатнется – понесется к небесам, да по дороге завернет на кухню и затеет какую-нибудь грубую перебранку. К тому же у него

вечно в голове грандиозные планы, мнит себя великим писателем. Подумать страшно – что он может понаписать. Меня, конечно, выведет злой ведьмой, а себя – владыкой ада. Только вряд ли кто станет читать его опусы.

Рене. Альфонс и в самом деле человек увлекающийся, но чувство признательности ему не чуждо. Когда муж узнает, что это вы его спасли, он будет вам беспрельдно благодарен.

Г-жа де Монтрёй. Ну-ну, хотелось бы верить.

Входит Шарлотта.

Шарлотта. Графиня де Сан-Фон пожаловали. Говорит, гуляла и решила заглянуть.

Г-жа де Монтрёй. Вот как? *(В нерешительности.)* Ладно, и так все про нас знает... Зови.

Шарлотта. Слушаюсь. *(Удаляется. В дверях сталкивается с графиней де Сан-Фон.)*

Графиня. А я и сама вошла. Ничего? Ведь не через окно же и не верхом на помеле.

Г-жа де Монтрёй. Скажете тоже! *(Крестится.)*

Графиня. Можете не креститься, все равно на баронессу де Симиан вы не похожи. У вас это выглядит так, будто крестное знамение вы сотворяете не для себя, а для соблюдения приличий.

Г-жа де Монтрёй. Это вы так считаете.

Графиня. Знаете, я ведь не просто так зашла – хочу кое-

что рассказать. Вчера ночью я проделала то же самое, что во времена «короля-солнце» мадам де Монтеспан.

Г-жа де Монтрёй. Стали возлюбленной его величества? Но ведь нынешний король по женской части, кажется...

Графиня. Нет-нет, не перебивайте. Я расскажу все сама, по порядку. Именно такая чудесная слушательница мне и нужна. Госпожу де Симиан слишком легко напугать, а вы – дама закаленная, мужественная, испытанный боец армии добродетели.

Г-жа де Монтрёй. О, графиня, вы слишком добры.

Графиня. Признаться вам, мне до смерти наскучили все обычные забавы – любовные интрижки, безобразия, карнавалы масок а-ля королева Марго и тайные прогулки по парижским трущобам. Даже собственная скандальная слава и та обрыдла. Все грехи начинались спальной, ею же и заканчивались. А любовь... любовь – это мед, в котором слишком силен привкус пепла. Не хватало чего-то возвышенного, божественного...

Г-жа де Монтрёй. Неужто вы встали на путь благочестия?

Графиня. О нет, не пугайтесь... Когда в наслаждениях преобладает привкус горечи, вспоминаешь, как тебя, бывало, наказывали в детстве. И хочется, чтобы кто-то снова тебя наказал. Начинаешь оскорблять невидимого нашего Господа: плюешь ему в физиономию, бросаешь вызов – одним словом, стараешься разозлить. Но боженька как ленивый пес – дрыхнет дни и ночи напролет. Его дергаешь за хвост, та-

щишь за уши, а он и глаз не раскрывает – не то чтоб цапнуть или облаять.

Г-жа де Монтрёй. Я не очень поняла... Это вы Господа ленивому псу уподобили?

Графиня. Ну да. Ленивому, старому и дряхлому.

Г-жа де Монтрёй. Слава богу, что мои девочки уже взрослые. Для юной, неокрепшей души это было бы слишком...

Графиня. Да погодите же, самое интересное впереди. Я здорово ошиблась в маркизе де Саде. Он представлялся мне идеальным суррогатом карающего Господа – восхитительным златокудрым палачом с кнутом в белоснежной руке. Ошибка, это была ошибка. Маркиз – всего лишь мой товарищ, он сделан из того же теста, что и я. Когда ленивый пес дрыхнет, ему едины машущий кнутом и получающий удары, палач и жертва. И тот и другой тщетно бросают ему вызов. Первый – тем, что бьет, пускает кровь, второй – тем, что сносит удары и эту кровь проливает... Псу наплевать, он знай себе посапывает. Мы с маркизом – одного поля ягоды.

Г-жа де Монтрёй. И как же вы додумались до подобного открытия?

Графиня. Не додумалась. Просто почувствовала.

Г-жа де Монтрёй. Когда же?

Графиня. Когда почувствовала? В тот самый миг, когда меня сделали столом.

Г-жа де Монтрёй. То есть как «сделали столом»?

Сестры перешептываются.

Графиня. Вы полагаете, что человека превратить в стол невозможно? Так вот, представьте себе: меня, раздетую, уложили на стол, и мое обнаженное тело превратилось в алтарь для черной мессы.

Слушательницы ахают. Рене вздрагивает, и по мере рассказа графини ее волнение становится все заметнее.

Ни где это произошло, ни кто там был, я вам, разумеется, не скажу. Мсье Гибур давно мертв, а я, конечно, лишь жалкое подобие госпожи де Монтеспан. И все же, как и она, я сама предложила использовать мое тело для мессы. Меня, обнаженную, такую белую-белую, положили навзничь на черное, траурное полотнище. Я лежала, закрыв глаза, и представляла, как ослепительно прекрасна моя нагота. Обычной женщине не дано знать, что это такое – видеть все не глазами, а открытой кожей. Мои груди и живот прикрыли маленькими салфетками. Ну, это ощущение вам знакомо – вспомните холодную накрахмаленную простыню. А в ложбинку между грудей мне положили серебряное распятие. Однажды озорной любовник, когда мы отдыхали после утех, положил мне на грудь холодную грушу – примерно такое же было чувство. На лоно мне поставили священную серебряную чашу. Это, пожалуй, несколько напоминало прикосновение ночной посуды из севрского фарфора... Вообще-то, все эти глупости не вызывали во мне такого уж святотатственного востор-

га, когда, знаете, вся дрожишь от наслаждения. Потом началась служба, мне сунули в каждую руку по горящей свече. Пламя было где-то далеко-далеко, я почти не чувствовала, как капает воск. Во времена Людовика Четырнадцатого на черной мессе, говорят, приносили в жертву настоящего младенца. Но теперь времена не те, да и месса уже не та. Пришлось довольствоваться ягненком. Священник пропел Христово имя, ягненок жалобно заблеял где-то у меня над головой, потом вдруг вскрикнул так, знаете, тонко и странно – и тут на меня хлынула кровь. Она была обильнее и горячее, чем пот самого страстного из любовников, она заливала мне грудь, стекала по животу, наполняла чашу, что стояла на моем лоне... До этого я пребывала в довольно игривом расположении духа, испытывала обыкновенное любопытство – не больше, но здесь мою холодную душу впервые пронзила неистовая, обжигающая радость. До меня наконец дошел смысл всей этой тайной церемонии: и кощунственность моей позы – с широко, крестом, раскинутыми руками, и дрожащий огонь свечей, истекающих горячим воском, – они символизировали гвозди распятия... Я рассказываю вам все это не для того, чтобы побахвалиться. Главное, чтобы вы поняли: я стала зеркальным отражением Альфонса, поделила трепет его души. Правда, Альфонс предпочитает смотреть, а здесь смотрели на меня, так что ощущения наши несхожи. Однако, когда на мое голое тело пролился кровавый дождь, я поняла, кто такой Альфонс.

Рене. Кто же он?!

Графиня. Он – это я.

Г-жа де Монтрёй. Да?

Графиня. Да, в тот миг он был мной. Окровавленным столом из живой плоти, чьи глаза стали незрячи, а из рук и ног ушла сила. Трехмесячным зародышем, выкидышем Господа Бога... Маркиз становится самим собой, только когда вырывается из своего «я», он превращается в выкидыш, залитый кровью выкидыш Небесного Отца. И все, кто окружает его в эту минуту, – женщины, которых истязает он, женщины, хлещущие его, – они, они становятся Альфонсом, а он им быть перестает. Тот, кого вы зовете Альфонсом, – тень, мираж, его просто не существует.

Г-жа де Монтрёй. Вы хотите сказать, что на самом Альфонсе греха нет?

Графиня. Да, на вашем языке это называется именно так.

Анна (*внезапно рассмеявшись*). Смотрите-ка, вердикт мадам де Сан-Фон совпал с приговором блюстителей нравственности из судебной палаты.

Рене (*порывисто*). Нет на нем никакого греха! Он невинен! Белее белого! (*Показывает свиток.*) Вот, мадам, прочтите. Альфонс свободен – и все благодаря матушке.

Графиня. Да? Странно. Помнится, шесть лет назад, когда я собиралась вам помочь, ваша матушка ни с того ни с сего запретила мне что-либо предпринимать. С чего бы это вдруг она теперь стала хлопотать о вашем муже... Та-ак, а число?

Рене. Какое число?

Графиня. Ну, дата приговора.

Рене. Не знаю. Я была так рада, что забыла посмотреть.

Г-жа де Монтрёй и Анна пятятся вглубь комнаты.

Где же число?... А, вот! Совсем мелко, я и не заметила. Четырнадцатое июля 1778 года... То есть как «четырнадцатое июля»? Ведь сегодня уже первое сентября... Полтора месяца назад? А я ничего не знаю и все это время сижу в Париже! Как же так?! (*Пронзительным голосом.*) Анна! Что это значит? Почему нам отдали бумагу только сегодня?

Анна молчит.

Матушка, да что же это такое? Неужели вы целых полтора месяца скрывали от меня счастливую весть? Зачем?!

Г-жа де Монтрёй молчит.

Альфонс, должно быть, весь истомился, ожидая меня в Лакосте!.. Но... но... Почему он не написал? (*Охваченная внезапной тревогой.*) Я немедленно еду в Лакост.

Графиня. Бесполезно.

Рене. Это еще почему?

Г-жа де Монтрёй. Графиня!

Графиня. Полагаю, что маркиз уже снова в тюрьме. Только в другой. Ваша добрейшая матушка наверняка убедилась, что дело сделано, прежде чем сообщить вам о приговоре.

Рене. Что за глупости вы говорите! Альфонса освободили... Матушка, ну скажите же ей.

Г-жа де Монтрёй. Графиня просто шутит.

Графиня. Мадам, боюсь, что вам, добродетельнейшей из матрон, надолго запомнится сегодняшний день. Придется вам горько раскаиваться, что некогда вы связались со мной, падшей женщиной. Шесть лет назад вы хотели меня использовать. Вам понадобилась моя порочность. Потом вдруг передумали и отказались от моих услуг. О, у меня превосходная память! Я могла бы вам простить желание меня использовать, но то, что вы презрели мою помощь, простить никак не могу. Вы не представляете, как меня потом мучил тот сострадательный порыв, совершенно мне не свойственный. И в память о несостоявшемся благом деянии я еще раз выступлю в непривычном для себя качестве. Сейчас моими устами заговорит сама Истина – представляете? И все благодаря вам, дорогая госпожа де Монтрёй! Должно быть, ваша безупречная честность заразительна.

Г-жа де Монтрёй. Мадам! Вы, кажется, намерены совать свой нос в наши семейные дела?

Графиня. А разве не вы сами ткнули меня носом в ваши семейные тайны?

Рене. Мадам, ради бога, говорите! Вы принесли какую-то

страшную вестъ, да?

Графиня. Бедняжка Рене. Альфонс попал в капкан, расставленный вашей мамочкой. А приговор судебной палаты города Экс был не более чем приманкой, чтобы птичка попалась уж наверняка.

Рене. Но почему?

Графиня. Вы знаете, моя информация всегда самая точная. Подробности стали мне известны не далее как вчера. Когда в прошлом году умерла мать Альфонса, госпожа де Монтрёй поспешила истребовать личный королевский эдикт на арест маркиза, сбежавшего с вашей помощью из тюрьмы и скрывавшегося в неизвестном месте. Ну, как Альфонса схватили, вам, должно быть, известно?

Рене. Почти ничего.

Г-жа де Монтрёй. Может быть, довольно, графиня?

Графиня (*г-же де Монтрёй*). Вы все сделали для того, чтобы в Эксе дело маркиза пересмотрели побыстрее, пока не истек срок королевского эдикта. Даже в случае оправдательного приговора суда Альфонса, освободив, немедленно арестовали бы по именному указу его величества. Так все и вышло: четырнадцатого июля суд освободил маркиза из-под стражи, но несчастного сразу же схватила королевская тайная полиция и вновь заперла в тот же Венсенский замок – только на сей раз в еще более темный, сырой и холодный каземат, даже сквозь решетку которого не видно воли. По дороге Альфонс было сбежал, но, как вам, мадам, известно, его благополуч-

но поймали, и теперь вы можете быть совершенно спокойны. Зятек сидит за двойной железной дверью, в каменном колодце, на окне – решетка. Теперь-то уж он не сбежит.

Пауза.

Анна (*поспешно поднимается*). Графиня, вы ведь, кажется, гуляли и заглянули сюда по дороге?

Графиня. Именно так.

Анна. Позвольте мне составить вам компанию. Прогуляемся дальше вместе.

Графиня. Охотно. Прогулка со столь очаровательным инструментом чужих замыслов доставит мне огромное удовольствие. В прежние времена вас использовала старшая сестра, теперь – мамочка. Пойдемте, Анна, пора попользоваться вами и мне.

Анна (*с деланой веселостью*). К вашим услугам, графиня. Готова быть столом, комодом – чем прикажете.

Графиня. Вот послушное дитя! Природа одарила вас прелестными крылышками, расправив которые вы всегда сможете упорхнуть от неприятностей. Пожалуй, это единственное ваше богатство. Сударыни. (*Кланяется 2-же де Монтрёй и маркизе де Сад, после чего вдвоем с Анной идет к дверям.*) Шарлотта!

Выглядывает Шарлотта.

Вглядись-ка хорошенько в мое лицо. Вряд ли мне представится okazия когда-нибудь еще побывать в этом доме, так что отныне по самый гроб тебя будут окружать исключительно добродетельные и высоконравственные лики. Посмотри как следует и запомни это лицо грешницы.

Графиня, Анна и Шарлотта уходят.

Рене и г-жа де Монтрёй молча смотрят друг на друга.

Рене. Я хочу спросить только одно. К чему была вся эта комедия?

Г-жа де Монтрёй. Ну, комедию ломать начала не я. Помнишь, шесть лет назад, когда ты примчалась молить меня о помощи, ты ведь утаила от меня многое... Мерзость и распутство! Когда Анна открыла мне глаза, я, естественно, переменила свое решение. Написала прошение королю, и тот через посла в Сардинии потребовал выдачи Альфонса. Видишь, всему было причиной то, что ты затеяла играть со мной в прятки... А что касается теперешней истории, то, поверь, я устроила все для твоего же блага. Целых шесть лет мы были с тобой врагами – я прилагала все усилия, чтобы не выпустить Альфонса из тюрьмы, ты, наоборот, делала возможное и невозможное, чтобы вернуть ему свободу. Мать с дочерью враждовали между собой! А ведь я уже стара, силы оставляют меня, мне одиноко. Я тверда в своем решении

держат беспутного зверя взаперти, но война с родной дочерью разрывает мне сердце. Ведь я заботилась только о твоём счастье.

Рене *(без выражения)*. О моем счастье...

Г-жа де Монтрёй. Ты была вне себя от радости, когда я наконец стала добиваться пересмотра приговора. Прошлые обиды сразу забылись, мы с тобой снова зажили душа в душу, как в старые добрые времена. Я потому и скрывала от тебя так долго вердикт судебной палаты, что знала – твоя радость будет преждевременной. И Анне велела ничего не говорить. А когда утаивать истину стало уже невозможно, решила: дай хоть доставлю тебе несколько радостных минут. Ты сияла от счастья, а материнское сердце разрывалось от жалости и горя... Ну а клевете этой ведьмы графини де Сан-Фон ты не верь – она все перевернула с ног на голову.

Рене. Но это правда, что Альфонс снова в темном каземате?

Г-жа де Монтрёй. В общем...

Рене. И то, что засадили его туда вы?

Г-жа де Монтрёй. Что значит «засадила»? Я же не король.

Рене. Какая чудовищная жестокость!

Г-жа де Монтрёй. Если уж говорить начистоту, тут необходима была жестокость, чтобы у тебя наконец раскрылись глаза. Пойми же, я вынуждена была прибегнуть к этой уловке. Я надеялась, что ты избавишься от наваждения и выкинешь Альфонса из головы...

Рене. Это не в моих силах.

Г-жа де Монтрёй. Но почему, почему? Сколько же можно хранить верность этому чудовищу? Ведь он-то никогда тебе верен не был. Это в тюрьме он льет крокодиловы слезы, пишет жалостные письма, уверяет тебя в любви и клянется в верности. Но стоит ему выйти на свободу, и все начнет-ся сызнова. Ты же не слепая!.. Откажись от него. Это единственный путь к твоему счастью.

Рене (*без выражения*). К моему счастью...

Г-жа де Монтрёй. Забудь его.

Рене. Это невозможно.

Г-жа де Монтрёй. О боже, почему?! И как ты могла, ты, дочь судьи, устроить преступнику побег из тюрьмы?

Рене. О-о, то было блаженное время! Никогда еще я не чувствовала, что моя душа настолько слита с душой томящегося в темнице Альфонса... Бессчетное количество раз подавала я прошения о помиловании – и все тщетно. Я сидела ночи напролет в пустом замке и думала только об одном – как устроить побег. И посоветоваться было не с кем, я – совсем одна! Это походило на шахматную партию: я двигала фигуры слоновой кости, пробуя комбинации одну за другой. И наконец слоновая кость наполнилась пламенем, стала краснее коралла – план был составлен! Разрабатывая детали, я чувствовала биение сердца Альфонса – где-то совсем рядом. И я поняла. Когда Альфонс замышлял новое бесчинство, стремясь в своих исследованиях порока как можно

ближе подобраться к недостижимому, он испытывал нечто подобное. Нет, не нечто подобное, а именно то же! Не было в мире человека более одинокого, чем он, когда в его голове – втайне от всех – составлялся план очередного преступления. Это куда страшнее огня неразделенной любви – ведь надежды на взаимность нет, лишь стремление любыми средствами дорваться до неосуществимой мечты, воплотить ее на земле, в определенной точке времени и пространства. И заранее известно наверняка – в последний момент добыча ускользнет из рук... Я ощущала совершенно то же. Понимала – даже увенчайся затея успехом, меня ждет лишь опустошенность. Втайне строила я свои планы и знала, что они бессмысленнее, чем самая безнадежная из неразделенных любовей... Нет, на признательность Альфонса я не рассчитывала.

Г-жа де Монтрёй. Конечно, на что может рассчитывать человек, таящийся ото всех? Ничего удивительного. Каждый, кто разрывает сети праведности и законности, остается один-одинешенек. Так всегда говорил твой отец. Несчастный, ему и в голову не могло прийти, что такая участь ожидает его собственную дочь.

Рене. Между мной и Альфонсом установилась невидимая связь, разорвать которую было не под силу никому из смертных. Мы были связаны крепче, чем в минуты самых страстных объятий.

Г-жа де Монтрёй. Неужели ты станешь меня убеждать, что

причина твоего упрямства – любовь? Это выше моего разума. Какая любовь – ведь он-то тебя не любит, ты губишь жизнь из-за пустой химеры! (*Язвительно.*) Рене, уж будем говорить начистоту: ведь твой муж – он даже и не человек вовсе.

Рене. Но все равно он – мой муж.

Г-жа де Монтрёй. Ага, о любви разговора уже нет, теперь твое убежище – супружеская добродетель.

Рене. И научили меня ей вы, матушка.

Г-жа де Монтрёй. Довольно странная, беспутная она какая-то, эта твоя добродетель. Отчего, интересно? Я давно заметила: любые, самые белоснежно-благородные слова, когда речь заходит об Альфонсе, становятся чернее угля. Чернее китайского лака!

Рене. И моя любовь?

Г-жа де Монтрёй. Да. Она тоже беспутна.

Пауза.

Рене. Что бы ни произошло, я последую за ним всюду, сколько хватит сил. Если вы хотели разлучить меня с мужем, не следовало запира́ть его в тюрьму – вы совершили ошибку. Я буду писать ему, ходить на свидания. Для него я – единственное человеческое существо на всем белом свете. Я – его надежда, и мы оба с ним знаем это.

Г-жа де Монтрёй. Может быть. Может быть, я и сделала

ошибку. Но, знаешь, незаметно для нас обеих мы идем с тобой одной дорогой. И радости у нас с тобой одни и те же. Вот слушаю тебя и думаю: ты ведь тоже счастлива, что посадила Альфонса в клетку – клетку твоей любви. Теперь ты обрела душевное спокойствие. Он один, беспомощен, вся надежда только на тебя. Никаких мук ревности, а? Пусть теперь он поревнует, а? Представляешь, не в силах избавиться от навязчивых, душераздирающих видений, он напишет тебе ревнивое письмо? А ты будешь с наслаждением читать и перечитывать его, блаженно улыбаясь... Ну, будь же честной. Признай, что, хоть на устах твоих горечь, в глубине души ты мне благодарна. Мы обе с тобой хотели посадить его в клетку, и это роднит тебя и меня. Разве нет?

Рене. Нет! Ничего подобного!

Г-жа де Монтрёй. Нет? Даже несмотря на то, что стоит ему выйти на свободу, и он сразу же превратит твою жизнь в ад?

Рене. Пусть! Я хочу, чтобы он был свободен.

Г-жа де Монтрёй. Но для него свобода – кнут и бонбоньерка.

Рене. Это не важно. Матушка, умоляю, я буду валяться у вас в ногах – только помогите! Сделайте так, чтобы его освободили!

Г-жа де Монтрёй. Ничего не понимаю. Освободить? И расставаться с ним не желаешь? А сама знаешь, что ничего, кроме мук, он тебе не принесет. Тебе что, доставляет наслаждение терпеть муки?

Рене. Большой муки, чем нынешняя, все равно не бывает.

Г-жа де Монтрёй. Что ж, приходится тебе верить – ты знаешь, что такое мука. Значит, единственная твоя радость – его освобождение? В этом твое счастье?

Рене. Да! И радость, и счастье. Только об этом я и мечтаю.

Г-жа де Монтрёй (*пронзительным голосом*). Какое же оно, твое счастье?

Рене. То есть как?

Г-жа де Монтрёй. Какого оно сорта, какой природы?

Рене. Я не понимаю вас. Разве не должна добродетельная жена добиваться свободы для своего мужа? Разве можно вообразить себе большее счастье, чем...

Г-жа де Монтрёй. Хватит о добродетели! В твоих устах это святое слово становится мерзостным. Я хочу услышать, что для тебя счастье!

Рене. Ладно, если вам так хочется... Каждую ночь муж наполняет мой дом светом – и это счастье. Лежать зимой в холодной спальне замка одной, мерзнуть и представлять себе жарко натопленную комнату и в ней Альфонса, в этот самый миг подносящего пылающий сук к голой спине связанной женщины. Вот оно – мое счастье! Страшные, кровавые слухи, стелющиеся как полы пурпурной королевской мантии... Идешь по улице городка и смотришь в землю – ты, супруга господина здешних мест! Вот какое это счастье. И еще – счастье бедности, счастье позора... Такое, матушка, счастье обрету я, добившись свободы для Альфонса.

Г-жа де Монтрёй. Ты лжешь. Все лжешь! Прежде чем обвинять мать, задумалась бы над тем, какая ты дочь! Ведь ты снова скрытничаешь, снова меня обманываешь! А мне известно все. Именно поэтому я и поклялась вырвать свою дочь из лап страшного чудовища, чего бы мне это ни стоило!

Рене. О чем вы?

Г-жа де Монтрёй. Боже, какой стыд! Даже Анне я не смогла об этом рассказать... Твоя хваленая добродетель – гнилой, изъеденный червями плод!

Рене. На что вы намекаете?

Г-жа де Монтрёй. Я скажу. Скажу... Верный человек, которого я послала в Лакост, подглядел в окно и все мне рассказал. Это было как раз на Рождество.

Рене. На Рождество?

Г-жа де Монтрёй. Где уж тебе вспомнить – у тебя, поди, таких ночей много было...

Рене. Рождество... После удачного побега Альфонс запутал следы и тайно приехал ко мне в Лакост. Это последнее Рождество, проведенное нами вместе. Была студеная зима, дул злой северный ветер. Чтобы купить дров, я заложила фамильное серебро... Тут уж не до праздников.

Г-жа де Монтрёй. Рождество у вас и в самом деле было странное. На дрова у вас, несчастных, не хватало – ай-ай-ай. Решили человечинкой топить... Бедные, нищие супруги, специально ездившие в Лион, чтобы нанять пять служанок, девчонок лет по пятнадцать, и еще юнца-секретаря... Видишь,

даже это я знаю. А ведь я, дура, посылала тебе денег на расходы! Так вот, мой слуга спрятался у окна и, насквозь продуваемый ветром, стал подглядывать, каким поразительным образом справляете вы Рождество. На дрова ты и в самом деле не поскупилась – огонь в камине пылал так, что все деревья в саду стояли залитые багровым светом.

Рене. Матушка!

Г-жа де Монтрёй. Нет уж, ты выслушай... Альфонс, облаченный в черную мантию, но при этом обнажив свою белую грудь, хлестал кнутом пятерых девочек-служанок и подростка. Те были в чем мать родила и метались по зале, тщетно моля о пощаде. Длинный кнут мелькал в воздухе, словностая ласточек над крышей старого замка. А ты...

Рене (*закрывает руками лицо*). Нет!

Г-жа де Монтрёй. А ты, совершенно голая, была за руки подвешена к люстре. От боли ты почти потеряла сознание, по твоему телу, словно по стволу дерева под дождем, стекали струйки. Струйки крови, вспыхивавшие рубинами в отсветах каминного пламени. Угрожая мальчику кнутом, его сиятельство заставил несчастного облизывать испачканное тело ее сиятельства. Бедняжка был слишком мал ростом, и ему пришлось залезть на стул... Он вылизал тебя всю... (*Высывает кончик языка.*) И не только там, где была кровь... (*Пауза.*) Рене! (*Делает шаг к дочери. Та отшатывается.*) Рене!

Еще один шаг. Рене пятится. Госпожа де Монтрёй хватается ее за край платья. Рене с силой вырывается. Госпожа де Монтрёй опускает руки.

Ну, довольно. Теперь я вижу, что все это было правдой, твое мертвенно-бледное лицо – лучшее тому доказательство.

Рене. Но, матушка...

Г-жа де Монтрёй. Какие еще тут могут быть «но»?

Рене. Это случилось только один раз, и против моей воли. Клянусь вам! Поступить так велела мне добродетель. Вам не дано это понять.

Г-жа де Монтрёй. Опять добродетель! А если он велит тебе ползать на брюхе по-собачьи, ты тоже подчинишься? Или превратиться в червя, а?! Где твоя женская гордость? (*Задыхается от рыданий.*) Разве так воспитывала я свою дочь?! Дьявол-муж отравил твою душу!

Рене. Когда обретаешься на самом дне позора, в сердце не остается места ни для сострадания, ни для нежности... Эти чувства живут в верхнем слое души, и, когда душа переворачивается вверх дном, грязь и мусор поднимаются наверх и замутняют, загрязняют прозрачный и чистый слой... Вы правы, матушка. Все, что вы говорили, – верно. Но только жалости к вам у меня нет. Ведь вы ровным счетом ничего не знаете, а стало быть, вреда вам никакого нет и не будет.

Г-жа де Монтрёй. Кто, я не знаю? Да мне известно все!

Рене. Нет, ничего вам не известно. Что можете вы знать о

пути, которым идет женщина, решившая быть добродетельной до конца и отринувшая ради этой цели все общественные запреты и саму честь?

Г-жа де Монтрёй. Так говорят все женщины, ставшие жертвой мерзавцев.

Рене. Альфонс не мерзавец. Он — моя лестница к недостижимому, лестница, ведущая меня к Богу. И пускай эта лестница затоптана грязными ногами, даже забрызгана кровью!

Г-жа де Монтрёй. Опять эти твои витиеватые сравнения. Анна и та над ними смеется.

Рене. Об Альфонсе иначе говорить нельзя. Он — голубь, а не лев. Он — маленький белый цветок в златокудрой пыльце. И при этом не ядовитой, о нет! Когда этот голубь, этот цветок прибегает к кнуту, начинаешь себя, себя, а не его ощущать кровожадным зверем... Тогда, на Рождество, я приняла одно важное решение. Мне мало понимать Альфонса, мало быть его защитницей и опорой. Да, я вытащила его из тюрьмы и воображаю себя истинно добродетельной женой, но гордыня застит мне глаза — того, что я сделала, мало... Матушка, вот вы упрекаете меня за то, что я все твержу: добродетель, добродетель. Но это добродетель иного рода, стряхнувшая ярмо привычного и общепринятого. После той страшной ночи с моей добродетели начисто слетела присущая ей прежде спесь.

Г-жа де Монтрёй. Это оттого, что ты стала соучастницей.

Рене. Да, соучастницей голубя, маленького белого цветка

в златокудрой пылице. Я поняла, что была прежде не женщиной, а зверем, имя которому Добродетель... Вы же, матушка, и поныне тот зверь.

Г-жа де Монтрёй. Такого о своей скромной персоне мне слышать еще не приходилось.

Рене. Нет? Ну так я вам повторю хоть тысячу раз. Вы – зверь Добродетели, своими клыками и когтями вы рвете Альфонса на куски.

Г-жа де Монтрёй. Ты, верно, шутишь! Это меня, меня рвут на куски. И мой мучитель – твой муженек с его белыми зубами и сверкающими когтями.

Рене. Нет у Альфонса никаких когтей! Лишь жалкие изобретения человеческого ума: кнут, нож, веревка да заржавленные орудия пыток. Для него все эти предметы – примерно то же, что для нас, женщин, белила, румяна, пудра, помада, духи, зеркальце. А у вас – клыки, дарованные самой природой. Ваши полные бедра, ваша высокая грудь, не увядающая, несмотря на возраст, – вот они, когти и клыки. Все ваше тело до кончиков ногтей покрыто острыми шипами добродетели. Каждого, кто приблизится к вам, вы пронзаете этими шипами, подминаете под себя, душите!

Г-жа де Монтрёй. Не забывай: эта самая грудь вскормила тебя!

Рене. Помню. Во мне течет ваша кровь, и тело мое устроено точно так же. Но груди мои из другого материала – они не скованы обетами и корсетом благонравия и общественных

устоев. Батюшка, должно быть, обожал вашу грудь – ведь для такой четы благонравие было важнее, чем любовь.

Г-жа де Монтрёй. Не смей говорить гадости об отце!

Рене. Ах, я покусилась на ваши драгоценные воспоминания: как приятно думать, что и в постели с собственным мужем продолжаешь оставаться членом общества. Вместо того чтобы говорить о любви, вы, верно, восхищались собственной безупречностью. И были вполне довольны, да? А ведь в вас, матушка, была замочная скважина к той двери, что ведет к блаженству, а у него был ключ. Стоило только повернуть ключ в замке!

Г-жа де Монтрёй. Боже, какая мерзость!

Рене. Увы, ключ не подходил к замку. А вы еще и посмеивались: «Я не желаю быть этим изогнутым ржавым ключом. А я не желаю быть какой-то скважиной, жалостно скрипящей при повороте ключа». Вы всем телом – грудью, животом, бедрами, – как осьминог щупальцами, прилепились к благопристойности. Добродетель, благонравие и приличия вы клали с собой в постель, да еще урчали при этом от удовольствия. Как звери! А ко всему хоть чуть-чуть выходящему за рамки устоев вы испытывали ненависть и презрение, они стали для вас чем-то вроде обязательного и полезного для здоровья трехразового питания. Все у вас было именно там, где надлежит: и спальня, и гостиная, и ванная, и кухня. А вы расхаживали по своему чинному владению и рассуждали о добром имени, порядочности, репутации. И даже во

сне не приходило вам в голову открыть ключом ту дверь, за которой – бескрайнее, усыпанное звездами небо.

Г-жа де Монтрёй. Это верно. Открыть дверь в преисподнюю нам и в самом деле в голову не приходило.

Рене. Поразительная способность – презирать то, чего не можешь даже вообразить. Это презрение висит над всеми вами огромной сетью, а вы поживаете в нем, словно в гамаке, и наслаждаетесь послеобеденным сном. Ваши груди, животы, бедра незаметно для вас самих обретают твердость меди, а вы знай полируете металлическую свою поверхность, чтобы она сияла. Такие, как вы, говорят: роза прекрасна, змея отвратительна. И вам неведомо, что роза и змея – нежнейшие друзья, по ночам они принимают облик друг друга: щеки змеи отливают пурпуром, а роза посверкивает чешуей. Увидев кролика, вы восклицаете: «Какой милый!» А увидев льва: «Какой страшный!» Откуда вам знать, что ночью, когда бушует буря, кролик со львом сливаются в любовных объятиях и кровь одного смешивается с кровью другого. Что известно вам об этих ночах, когда святое становится низменным, а низменное – святым? Ваши медные мозги отравлены ненавистью и презрением, вы отдадите все, только бы таких ночей вообще не было. Но знайте: если их не будет, даже вам, вам всем, придется распроститься со спокойными сновидениями.

Г-жа де Монтрёй. «Вам всем»? Это ты родной матери так говоришь? Мать никто не заменит!

Рене. Как же, «не заменит». Вы ведь сами страшно гордитесь, что вы такая же, как все, вполне заменимая. Вы добиваетесь, чтобы и я стала заменимой. Нет уж, «все вы» – самое подходящее обращение.

Г-жа де Монтрёй. Невинный кролик, мерзкая гадюка, свирепый лев и хитрая лиса становятся одинаковыми в ночь, когда сверкают молнии. Это было известно и без тебя, тоже мне открытие. В свое время за такие вот ночи немало ведьм отправили на костер. Ты, Рене, распахнула эту твою дверь, за которой бескрайнее звездное небо, да и упала в бездну.

Рене. Как вы обожаете порядок, раскладываете каждый платочек и каждую перчатку на отведенную полку, в свой ящичек. «Невинный кролик, мерзкая гадюка» – точно так же и людей вы хотите разложить по полочкам. «Добродетельная мадам де Монтрёй, порочный маркиз де Сад».

Г-жа де Монтрёй. Каждый сам определяет, на какую полку ему ложиться.

Рене. Ну а вдруг землетрясение, и содержимое всех ваших полочек перепутается: вас швырнет на полку порока, а Альфонса – на полку добродетели?

Г-жа де Монтрёй. А нужно, чтобы каждая полка запиралась на ключик, тогда и землетрясение не страшно.

Рене. Посмотрите хорошенько в зеркало и призадумайтесь – на какой полке вам место. Кто, польстившись на громкое имя маркиза де Сада, отдал дочь в заклад? Кто, поняв, что родовой замок маркиза охвачен пожаром, принялся вы-

купать свое имущество обратно?

Г-жа де Монтрёй. Да, и выкуп уплачен щедрый.

Рене. Все ваши деньги истрачены лишь на то, чтобы не предстать перед людьми в смешном и презренном виде.

Г-жа де Монтрёй. Конечно. А кто же станет платить за то, чтобы над ним смеялись и издевались?

Рене. Вы – как шлюха, выкупающая из ломбарда заложенное платье. Выкупите – будете вполне довольны. О, эта ваша мечта о тихой и спокойной жизни! Сидеть в уютной комнате, завесив окна розовым шелком, и, упаси боже, не выглядывать – что там происходит, на краю мира и даже еще дальше. А потом вы умрете, и единственной вашей усладой перед смертью будет мысль о том, что вы не дали ничему презренному и низменному себя запятнать. Есть ли на свете более дешевая, более вульгарная причина для гордости?

Г-жа де Монтрёй. А ты разве не умрешь?

Рене. Умру. Но не так, как вы.

Г-жа де Монтрёй. Я надеюсь – уж я-то, во всяком случае, на костер попадать не намерена.

Рене. А я не намерена окончить свою жизнь, как составившаяся проститутка, которая скопила деньжонки на черный день и ударилась в благочестие.

Г-жа де Монтрёй. Рене, я тебя ударю!

Рене. Сделайте милость. Как вам понравится, если от вашего удара я вся сладострастно затрепещу?

Г-жа де Монтрёй. О-о, какое у тебя сделалось лицо...

Рене (*делая шаг вперед*). Какое?

Г-жа де Монтрёй (*визгливо*). Я боюсь! Ты стала так похожа на Альфонса!

Рене (*улыбается*). Графиня де Сан-Фон произнесла замечательную фразу: «Альфонс – это я».

Занавес

Действие третье

Апрель 1790 года. Со времени предыдущего действия миновало 13 лет. Во Франции уже девятый месяц идет революция.

Г-жа де Монтрёй (*она сильно сдала*). Рене!

Рене (*сидит и вышивает; в ее волосах седина*). Что?

Г-жа де Монтрёй. Тебе не скучно?

Рене. Нет.

Г-жа де Монтрёй. Тринадцать лет смотрю я, как ты складываешь в корзину провизию и отправляешься в тюрьму – относить Альфонсу передачу. Твое упорство поразительно, оно подавляет меня, я сдаюсь: в силу твоего чувства нельзя не поверить. Но еще больше поражает меня другое – за все тринадцать лет я ни разу не видела, чтобы ты томилась и скучала. Вернувшись с одного свидания, ты сразу же с удовольствием начинаешь ждать следующего. Словно готовясь

к пикнику, ты прикидываешь, что бы такое повкуснее приготовить.

Рене. Так оно и есть... Мне очень не хотелось, чтобы муж видел, как я старею. Однако, встречаясь со мной по два-три раза в месяц, он не замечал, как годы берут свое.

Г-жа де Монтрёй. Но теперь-то уж всему конец. В прошлом месяце учредительное собрание отменило тюремное заключение по именному королевскому указу. Законность и порядок, в которые я свято верила столько лет, умерли. Скоро все злодеи, все умалишенные выйдут на свободу... Ты давно не была у Альфонса. Почему?

Рене. В том уже нет нужды. Теперь достаточно просто ждать – и он придет.

Г-жа де Монтрёй. Резонно. Да, ты сильно изменилась.

Рене. Устала. И постарела. Да и потом, как не измениться человеку, когда меняется весь мир?

Г-жа де Монтрёй. И все же мне кажется, с тех пор как ты перестала таскать в тюрьму эти твои корзины с вареньем и разносолами да увлеклась вышиванием, вид у тебя стал скучный.

Рене. Это, наверно, весна виновата. Я так ждала ее когда-то, парижскую весну. Теперь же она приходит, бурная, как наводнение, а я чувствую – она уже не моя, принадлежит кому-то другому. Все вокруг перевернулось вверх дном, да и годы мои ушли. Чем дуться на весну, лучше уж сидеть дома взаперти и вышивать – вдруг весна улыбнется мне хоть из

вышитого узора.

Входит Анна.

Анна. Что это у вас – и Шарлотта не выходит? Неужто и она отправилась в Версаль с прочими трудящимися массами требовать хлеба?

Г-жа де Монтрёй. Анна, ты? Что-нибудь случилось?

Анна. Пришла проститься. А еще лучше будет, если вы, матушка, поедете со мной.

Г-жа де Монтрёй. Как – проститься? Куда ты? Что за новости?

Анна. Мы с мужем уезжаем в Венецию.

Рене (*в первый раз за все время поднимает голову*). В Венецию...

Анна. Нет-нет, сестрица. С тем путешествием, увы, ничего общего. Муж купил в Венеции палаццо, и мы срочно туда переезжаем.

Г-жа де Монтрёй. А как же ваш дворец, а должность при дворе?! Все бросить и уехать на чужбину?

Анна. Здесь оставаться опасно. Мой муж – человек дальновидный, он говорит, что пустые надежды аристократии на какие-то перемены к лучшему ему надоели. Да вы, матушка, знаете все и сами. Граф Мирабо предлагал его величеству эмигрировать, но граф Прованский был против. А муж тоже считает, что королю следовало бы уехать, пока не поздно.

Г-жа де Монтрёй. И все же его величество пока еще здесь.

Анна. Да, такого медлительного короля Франция еще не знала.

Г-жа де Монтрёй. Пока король здесь, мы тоже должны оставаться в Париже.

Анна. Скажите, какая роялистка! Матушка, поймите вы: теперь не до глупостей. Это вам только кажется, будто буря улеглась, что ждет нас завтра – сказать трудно. Мужу привиделся ночью кошмарный сон, а наутро он решил: все, пора. Ему приснилась площадь Конкорд, превратившаяся в озеро крови.

Г-жа де Монтрёй. Когда вокруг происходит такое, надо действовать очень осмотрительно – десять раз проверить брод, прежде чем соваться в воду. У меня, например, предчувствие, что все обойдется и меня ждет спокойная, тихая старость. Возможно, будь жив твой батюшка, и на нас обрушился бы гнев толпы – а так кому мы нужны? Наоборот, с тех пор как все перевернулось вверх дном, стало полегче – все забыли про историю с Альфонсом. Главное – не терять головы, не вставать ни на чью сторону, а жить себе да выжидать, чья возьмет.

Анна. Смотрите, матушка, кончите, как графиня де Сан-Фон.

Г-жа де Монтрёй (*смеется*). Скажешь тоже! Где уж мне удостоиться такой славной кончины.

Анна. Сегодня, кстати, ровно год. Как раз тогда в Марселе

начались первые беспорядки.

Г-жа де Монтрёй. Неужели все те слухи – правда?

Анна. Чем невероятнее слухи про мадам де Сан-Фон, тем они достоверней. Графине о ту пору прискучил Париж, и она отправилась в Марсель. По ночам, нарядившись портовой шлюхой, она завлекала матросов, а утром возвращалась в свой роскошный особняк и пересчитывала заработанные медяки. Специальный ювелир оправлял каждую монету в драгоценные камни. Графиня намеревалась обшить этими медяками платье сверху донизу, а затем поразить весь Париж.

Г-жа де Монтрёй. Однако она ведь была далеко не первой молодости – вряд ли она стала бы появляться в свет в открытом платье. А чтобы обшить монетами закрытое платье, надо было, верно, о-го-го как потрудиться.

Анна. И вот одной прекрасной ночью, когда графиня караулила на углу очередного клиента, началась заваруха. Нашу ряженую шлюху увлекло разбушевавшейся толпой, и она вместе со всеми стала распевать песни.

В левом углу сцены появляется Шарлотта, одетая во все черное. Она стоит и слушает.

Г-жа де Монтрёй. Знаю-знаю. «Всех аристократов на фонарь».

Анна. Графиня пела «Аристократов на фонарь» громче всех и маршировала в самом первом ряду. Потом на толпу

напала полиция и началась паника, графиню сбили с ног и затоптали насмерть. Когда настало утро, бунтовщики подобрали труп, положили его на выломанную створку двери и с плачем и стенаниями понесли по улицам. Графиня превратилась в невинную жертву, в народную богиню. Какой-то рифмоплет – такие есть в каждом квартале – тут же сочинил песню «Прекрасная шлюха», и все стали петь ее хором. Ни один человек в толпе и не подозревал, кого они несут. В сиянии утреннего солнца мадам де Сан-Фон была похожа на ошипанную курицу. Ее набеленное лицо, покрытое пятнами крови и синяками, впоследствии превратилось в красно-бело-синее знамя революции. Когда же белила потекли под горячими лучами солнца, люди, пораженные, увидели, как на их глазах лицо молодой женщины превращается в морщинистую физиономию старухи. Впрочем, она так и осталась для них Прекрасной Шлюхой. Никого не смутили даже дряблые ляжки, просвечивавшие сквозь разодранное платье. Труп протаскивали по всем улицам, а потом процессия направилась к морю. Графиню опустили в волны Средиземного моря, синего от старости, черпающего силы в одной только смерти... Ну то, что именно с этих событий началась революция, вам известно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.